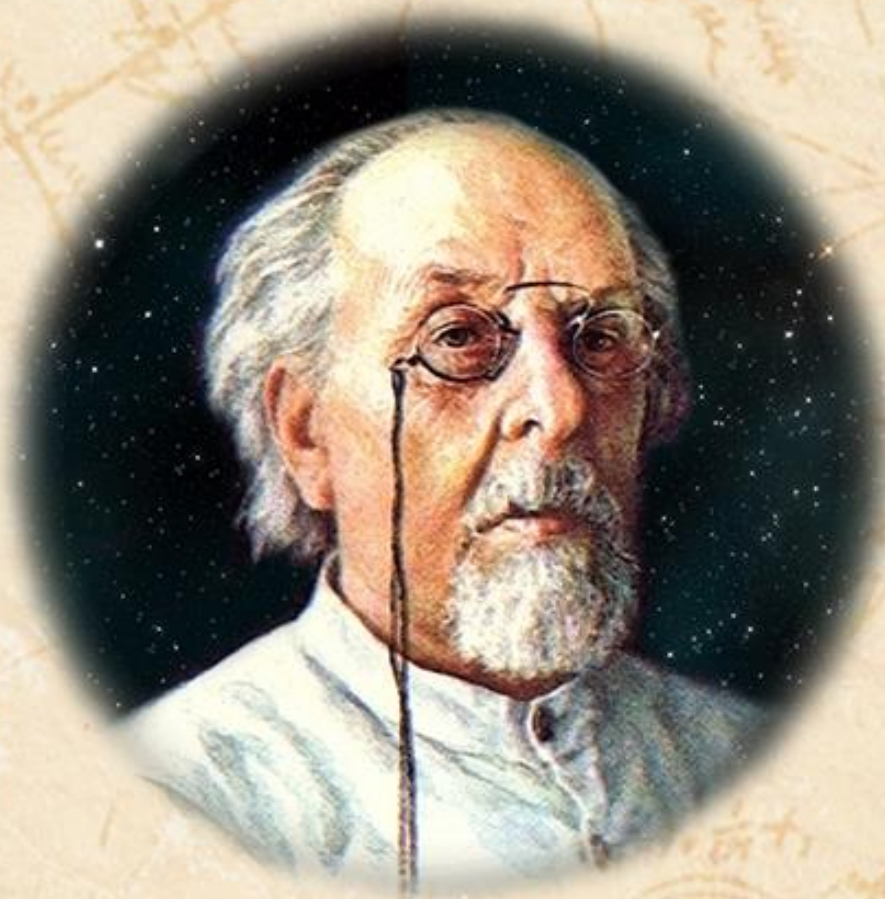

Серия
«Космическая философия»

Константин Циолковский

Гений среди людей

Содержание

Гений среди людей	3
Значение гения	3
Гений и семья.....	12
Гений и земляки	17
Гений и специалисты	25
Слабости гениев	49
Судьба изобретателя	55
Судьба	63
Фотокопии рукописей Циолковского	73
«Гений среди людей». Статья. Автограф и машинопись с правкой автора.....	74

Константин Циолковский

Гений среди людей

ЗНАЧЕНИЕ ГЕНИЯ

Гений придумал молоток, нож, пилу, ворот, блок, насос, лодку, мельницу, лук со стрелами, удочку, сети, одежду, обувь, дом. Он приручил животных, научил людей земледелию. Гений изобрёл машины, которые облегчили труд человека в десятки, тысячи и миллионы раз и делают продукты совершеннее. Например, швейная машина облегчает, улучшает и ускоряет шитье в десятки раз. Скольких людей она избавила от слепоты, от чахотки, скольких людей обула и одела, скольким сохранила время для других работ! Таковы же ткацкие машины и множество других. Изобретение книгопечатания сделало книги в несколько тысяч раз дешевле сравнительно с тем, когда они писались.

Гений открыл железо, сталь и разные металлы. Он показал возможность того, что прежде казалось совсем невозможным. Железо не умели добывать из руд (камней) сотни тысяч лет и пользовались тем, которое падало с неба в виде аэролитов.

Гений открыл драгоценные свойства веществ, свойства газов, пара, жидкостей и твёрдых тел.

Он сократил в сотни раз расстояние. Он заставил силы природы работать вместо животных и возить человека, грузы и самих животных по земле, воде и воздуху. Скорость этого движения теперь превышает 100 вёрст в час, или 2400 вёрст в сутки. В воздухе она достигает даже 200—300 вёрст в час, или 7000 вёрст в сутки. Она превосходит скорость летящего орла, скорость рыб в воде и скорость самых быстрых животных на суше.

Гений научил людей разговаривать на расстоянии тысяч вёрст и передавать мысли из одной части света в другую со скоростью молнии (даже без проводов). Он заставил

говорить, петь, играть и подражать звукам всех животных мёртвое тело, неодушевлённую материю. Он устроил автоматы, подобные человеку, придумал счислительные машины, которые работают безошибочно и в сотни раз быстрее самого ловкого счётчика. Гений превзошёл самого себя.

Он дарует жизнь больным, спасает умирающих, искалеченных, заменяет оторванные руки и ноги искусственными, возвращает голос и зрение, даёт слух, восстанавливает разрушенные органы, научает быть здоровым и жить долго. Кости от мёртвых он переставляет живым, и эти кости оживают и служат вместо испорченных болезнью.

Гений придумал насадку для вывода яиц без участия теплокровных. Он победил невидимые смертоносные бактерии, производящие дифтерит, оспу, сифилис, бешенство и много других.

Он увидел то, что ранее никто не видел. Микроскоп показал ему строение невидимых клеточек, этих основ живой материи, механизм существ и их мельчайших органов, огромный мир бесконечно малых животных и растений.

Гений определил форму Земли, измерил ее, а также Луну, Солнце и другие небесные тела. Он узнал их взаимные расстояния. С помощью телескопов он приблизил к себе небо в тысячу раз. Таким образом он показал людям то, что прежде никто не видел. На Луне и планетах оказались горы, подобные земным.

Люди увидели в миллион раз больше звёзд, или солнц, чем видели раньше. Каждая звезда оказалась удалённым от нас солнцем, более могущественным, чем-то, которое оживляет Землю. Обнаружилось существование биллионов солнц со многими биллионами планет, подобных Земле.

Но кроме этой нашей кучи солнц, нашли миллионы подобных. Мир оказался беспредельным.

Нашли один и тот же свет, одно и то же тяготение, одни и те же силы природы и одно и то же вещество во всей вселенной. Одним словом — единство Земли и Неба, а следовательно, и единство их первопричины.

Только о существовании вне Земли разумных или хоть каких-нибудь существ ровно ничего неизвестно. Но голос разума, голос гения кричит во все горло, что не только вселенная битком набита ими, но что даже огромный процент этих существ достиг совершенства, непостижимого пока для ограниченного человечества, находящегося ещё в младенческом фазисе своего бытия.

Гений нашёл цель существования. Это — познание, совершенствование, устранение зла и всякого страдания, распространение высшей жизни.

Сначала благодеяния гениев распространялись среди небольшой группы сильных, учёных, знатных и богатых. Но

потом они проникали вниз и делались достоянием всех людей.

Кто теперь не пользуется железными дорогами, пароходами, механическими двигателями, фабриками, заводами, стеклом, посудой, инструментами, бумагой, книгами, лампами, одеждой, обувью и т.д., приготовленными упрощёнными способами, по указанию изобретателей и мыслителей. Кто не читает, не воспринимает великие идеи, не наслаждается и не поучается литературными произведениями гениев.

Не было бы гениев, не было бы движения человечества вперёд по пути истины — к прогрессу, единению, счастью, бессмертию и совершенствованию. И это ещё начало, что будет дальше, что ожидает человечество — это трудно себе и представить.

Есть разница между трудом средних людей и творчеством мыслителей. Творчество последних переживает своих творцов и нередко бывает бессмертно. Разве не бессмертно

изобретение Гутенберга? Сотни лет прошли со времени его смерти, но разве перестанут когда-нибудь пользоваться книгопечатанием в том или другом образе и благословлять его изобретателя.

Разве перестанут когда-нибудь расходиться этим путём высокие идеи, распространяя свет знания, истины и радости.

Всякий, кто будет пользоваться швейной машиной, мельницей, путями сообщения, если бы даже прошли тысячи лет, не перестанет чествовать изобретателя и благодарить его творчество.

Благодеяния истинного гения вечны, они никогда не исчезают, а сыплются непрерывным потоком, как из рога изобилия. В то же время они материальны, они составляют чистое золото, драгоценные камни, хлеб, одежду, всякие удобства и т.д.

Как бы ни казались дары гения духовны, они всегда сводятся к материальному.

Положим, гений научит людей сдерживать свои дурные страсти: избегать драки, ругани, соперничества, войн. Но что духовнее этих даров. Однако результатом их будет усиленная производительность народов, то есть множество избыточных продуктов труда, каковы: зерно, фрукты, овощи, фабрики, жилища, улучшение жизни, увеличение досуга, здоровья, долголетия и т.д. Действительно, силы, не истраченные на взаимную бесплодную борьбу, идут на производство продуктов, вследствие чего и является улучшение жизни и устранение нужды. Разве это не материально, не ощутимо.

Разница только в том, что рабочий, земледелец полезен, пока жив. Его труд смертен и сравнительно не велик по количеству. А гений живёт и после смерти: иной сто лет, иной тысячу, а некоторые из них миллионы лет и даже бесконечность веков.

Например, водяная мельница изобретена тысячи лет тому назад, а изобретение это, в виде простой мельницы и турбины, живёт и сейчас и будет жить ещё долго, принося самую ощутительную пользу, которая может быть строго оценена, выражена деньгами, хлебом, овощами или другими необходимыми предметами. В год изобретатель даёт столько-то, в столетие — в 100 раз больше, а то и в тысячу раз больше, так как распространение и улучшение изобретения его полезность увеличивает прогрессивно.

А заурядный и почтенный труженик-мастер, земледелец даёт единицы, совершенные крохи, в сравнении с громадными горами плодов гения.

К сожалению, благодеяния изобретений пока ещё не очень значительны и мало распространены среди низов человечества (особенно среди некультурных стран). Есть целые многомиллионные народы, которых изобретения и мысли гениев почти не коснулись.

Более половины людей ещё пребывают во мраке, нищете, бессилии и злодеяниях. Они во власти природы. Природа их подавляет и побеждает.

Но тот же гений указывает, что значение мысли ещё впереди, что мысль ещё двинет все человечество и поставит его на бессмертную высоту, что благодеяния мысли дойдут до самых низов, даже до животных. И те почувствуют, хотя и без сознания, дары мысли.

Все будет счастливо, все будет довольно. А чему нельзя помочь, то будет погружено в нирвану, или небытие (временно, конечно). ...Мы почти верим в это.

ГЕНИЙ И СЕМЬЯ

Как же мы, простые смертные, относимся к гению, каков он сам в других отношениях, как он относится к себе подобным и каковы его недостатки? Вот о чем мы поведём речь дальше.

Прежде всего, гений рождается и живёт в семье. Как же его тут принимают, как поддерживают, укрепляют и развивают?

Хотя закон наследственности и существует, хотя он и неопровержим, но есть и другие законы, пренебрегать которыми тоже нельзя. По первому закону только даровитая, необыкновенная семья может дать необычное. И это верно относительно рода, хотя могут быть и исключения (мутации).

То есть я хочу сказать, что род, дававший нередко знаменитых людей, продолжает давать их порою, хотя часто иссякает благодаря неразумным или неудачным бракам. Например, предок Чарльза Дарвина (Эразм) и сын его (Джон) были людьми выдающимися.

Предки и потомки гениев в большей или меньшей степени должны быть замечательны. Однако большую часть не отмечают историей и нам неизвестны. Это так. Но есть другой практический закон, который гласит: гений обирает свое потомство. Это значит, что за высшей точкой рода (кульминационный пункт) следует понижение, и иногда

весьма сильное. Проще сказать, хотя род даровитых при благоприятных условиях и продолжает производить порою необыкновенных людей, но делает это периодически, то есть за высочайшими в роде следуют низжайшие.

Не надо ещё забывать, что гении всего чаще бывают счастливой комбинацией супругов, которые сами по себе не очень высоки и совсем не гениальны. Подобно этому алюминий с магнием даёт крепкий дюралюминий, ядовитый хлор и натрий дают необходимую для жизни соль, мягкое железо и уголь — сталь. Кроме того, гений развивается и под давлением жизненных условий, часто непонятных и как бы отрицательных. Так, сиротство, нищета, презрение людей за какой-нибудь физический недостаток и т.д. возбуждают силы, мысль и деятельность. Также подходящие книги и люди.

Отсюда видно, что, рождая необычное, семья сама может стоять не высоко, она только таит в своих недрах великое и когда производит его, то возможно, что сама находится на умеренной степени развития и природного дарования.

Так, братья Галилейского учителя приходили к нему издалека, чтобы унять его пыл. «Он вышел из границ», — говорили они окружающим, оправдывая своё вмешательство в дела взрослого родственника. Только после смерти отца он, вероятно, мог отдаться всецело своей проповеди. Жена Сократа, Ксантиппа, была, кажется, недовольна мужем и, по преданию, обливала его в досаде помоями. Слово «Ксантиппа» недаром стало синонимом злой жены. Мамаша Чехова не знала хорошо, чем занимается её сын, и говорила окружающим, что Антоша пишет стихи. Папаша его читал вслух «Запечатлённого Ангела» и мешал сыну работать над тем, что повыше.

Жены, семьи, братья, родственники всего менее верят в своего гениального члена и судят о нем обыкновенно по внешним успехам, которые сначала бывают очень сомнительны и даже отрицательны. Но домашние, по крайней мере, снисходительны, любовны, хотя и делают сцены и устраивают жизнь невыносимой для отмеченного роком. Так, Лев Толстой бежал от жены. В одном из евангелий упоминается, что даже братья Галилейского

учителя не верили ему. Они говорили: «Если действительно ты делаешь такие дела, то открыто объяви о себе народу... Тебе нечего опасаться: и само правительство примет твою сторону».

Итак, в семье — любовь, заботы, снисхождение, слезы, но полное непонимание, страх за судьбу любимого, обуздание, а иногда невыносимая жизнь. Вот почему гений бежит от семьи, оставляет отца и мать, оставляет родню и близких, чтобы найти друзей по духу, которые и идут с ним на муки, на посмеяние, на костёр и на казнь. Семья тормозит истинного гения, и только в виде исключения он иногда находит сочувствие или поддержку родни. Так, жена и близкие Магомета даже поверили ему. Но это потому, что он сам не стоял чересчур далеко от них и не был первоклассным гением. Жены же часто, по слабости к мужьям, соглашаются и с дурным, и с хорошим, лишь бы оно шло от возлюбленного. Рассудок тут принимает незначительное участие.

ГЕНИЙ И ЗЕМЛЯКИ

Земляки и товарищи гения в отношении понимания относятся к нему, как и родственники, недостаёт только любви и снисхождения (родственного пристрастия), да прибавляется зависть и недоброжелательство.

Так, Колумб, уверивший земляков, что земля похожа на шар, возбудил такое в них негодование, что должен был спасать свою жизнь бегством в другой город. Были подвергнуты осмеянию Гальвани и Ламарк. И этим историям нет конца.

Галилейский учитель везде имел успех, пока не попал в родной Назарет. Под влиянием недоверия он так там обессилел, что не мог проявить ни исцелений внушением, ни блестящей проповеди. Подозрительность земляков, хорошо знавших его с детства и ничего тогда не заметивших, убила все его силы. Любезные граждане, обидевшись на его космополитизм, даже схватили было его, чтобы увлечь к обрыву и свергнуть в пропасть. Но он как-то вырвался из их рук и избегнул этой несвоевременной казни.

Как им было поверить ему, когда ранее ничего замечательного в его жизни они не видели. Были у него — отец, мать, родня, с которыми шутили его земляки, пили, ели, праздновали, роднились, гуляли, говорили, обижали и благодарили. Знали они мальчика, который делал то же, что их ребята — играл на улице с их детьми, ссорился, молил. Его поколачивали — то сверстники, то товарищи, то родители, то старики. Что тут высшего, что тут гениального. Высшее было, начиналось, но было в зачаточном состоянии. Его проглядели близорукие товарищи. Они видели в нем только гордость, стремление выделиться, критиковать, превзойти их и их детей, и потому он только возбуждал их зависть и негодование. Истины, произносимые им ещё неуверенно и несовершенно, их оскорбляли, так как сами они блуждали во лжи и самообольщении.

Положим, гению пришла в голову великая идея: он задумал заставить воду работать — вертеть жернова и молоть зерно. Прежде всего эта мысль в семье и между земляками рождает насмешки и даже осуждение. Семья добрее. Но когда они видят, что её молодой и сильный член вместо работы на пользу семьи проводит время в раздумывании, становится

рассеянным, избегает общения, даже забывает пить и есть, то начинаются сцены, упрёки, негодование, иногда слезы и сожаление. Его оплакивают как помешанного, как погибшего. Все трудятся, все ищут смертного хлеба и имеют его в скудости, а один из здоровых членов ест и пьет, но стал плохим помощником и не вносит уже своей лепты в благосостояние семьи. Не досадно ли это? Тут возможны и трагедии.

Если гений силен, а семья слаба, то он упорствует. После мысли он делает попытки её воплощения. Устраивает водяную мельницу. Понятно, что вначале он терпит неудачу. Его мельница даже не может своротить жёрнов. Все предпочитают молоть ручными жерновами даже тогда, когда получается подобие успеха.

Идеи и первые попытки их осуществления подвергаются осмеянию, и редко при жизни изобретателя осуществляются его мечты. Их осуществляют последующие поколения, иногда через десятки, а иногда через сотни и тысячи лет.

Что же получил мыслитель? Посмеяние, голод, нужду, озлобление близких и их несчастье. Гений принёс им горе. Тень бедствий пала и на родных.

Всякая машина, если и исполняется изобретателем, сначала бывает негодной, вызывающей скептицизм, насмешки и преследование. Таковы были: швейная машина, паровая машина, пароход и т.д.

Чем грандиознее идея и её польза, тем слабее бывает первое исполнение. Причина понятна. Это — трудность её реализации.

Изобретателей считали полоумными, и они ничего, кроме бедствий, не получали. Только их последователи достигали некоторого практического результата, за которым шёл блестящий успех, плоды которого пожинали не бедные мыслители, давно уже сгнившие в могиле, а капиталисты и власть имущие. Потом уже изобретение делалось общим достоянием и было всем полезно.

Гения озаряет великая мысль. Он передаёт её близким, товарищам, учёным и обыкновенно не находит сочувствия. Причина простая. Учёные и так утомлены своей наукой и обязанностями. Даже всякое уже прогремевшее открытие для них горе и досада, так как заставляет их утомляться для усвоения новых идей. Но избежать этого нельзя. Скрепя сердце приходится работать, так как нельзя отставать от века и не знать то, что уже увлекло большинство.

Но когда какая-нибудь ничтожность, маленький человек делает открытие, то это не только заставляет их без серьёзного разбора и рассмотрения отрицать, но и завидовать. И отрицание превращается в преследование и глумление. Они чувствуют личное оскорбление от ненавистного гения, так как открытие сделано не ими и не их классом. Признай они его, им скажут: «А почему же не вы сделали это изобретение? На своём ли вы месте, не забрались ли высоко?» Конечно, и эти упрёки несправедливы. Учёные или люди знания делают своё

великое бессмертное дело, распространяя науки. Это тоже своего рода гений, гений быстрого усвоения, гений восприимчивости. Нельзя от них требовать больше, чем они могут дать. С одного вола двух шкур не дерут.

С целью поскорей отделаться от маленького человечка бывает иногда недобросовестный разбор. Критик извлекает мелкие ошибки, недосмотры, неполноту и все это выставляет на вид, упуская главное. Приблизительный расчет они выставляют как неверный. А то случается коварная похвала, которая возбуждает недоверие к изобретателю и доверие к доброте критика. Мешает признанию истины и самолюбие: сгоряча раскритиковали мысль. Признать её — значит отказаться от своего авторитета.

Не все, конечно, учёные таковы. Много молодых, великодушных, которых наука искренно увлекает, которые и сами на пути к новым открытиям и сочувствуют им, откуда бы они ни приходили.

Отрицательное отношение окружающих заставляет новатора замыкаться в самом себе. Следующая его гениальная идея уже не высказывается никому. Он размышляет уединённо. Мир необычных идей в нем растёт, усиливается, приводит его в восторг, даёт ему жизнь, утешение, радость, поддержку в житейских печалях.

Чем больше проходит времени, чем обширнее воображаемый мир гения, тем больше растёт его отчуждение от человечества. Пропасть между последним и мыслителем все возрастает. Гения никто не понимает, он уже не раскрывает рта, чтобы не быть тотчас же осмеянным и осуждённым. Отчуждение его причиняет ему страдания, он счастлив в одиночестве и печален среди людей. Он напрягает мысль, чтобы снова приблизиться к людям, сойтись с ними. Он придумывает что-нибудь лёгкое, доступное им, он спускается к их уровню развития.

Но вот он замечает, что в толпе некоторые интересуются его речами более других, задают разумные вопросы. Он обращает на них внимание, возвышает содержание своих

речей и снова находит в толпе сочувствие, хотя и от немногих. Он делает их своими учениками, работает вместе с ними, учит их много наедине и поручает им самостоятельные труды.

Проповедь в толпе выделяет ему новых учеников, они указывают ещё на прозелитов. Гений ищет их и даже находит средства для их отыскания.

Жизнь его становится менее печальной, так как он теперь имеет возможность передавать свои излюбленные идеи и приносить очевидную пользу.

От семьи, земляков и толпы он уходит почти. Связь чересчур мала, и сближение сопровождается катастрофами вроде избиения и даже покушения на жизнь мыслителя.

Последователи ниже его и потому ближе к жизни и людям. Ученики учеников ещё ближе. Так доходит истина, хотя и в ослабленном и смутном свете, до людей. Она уже

воспринимается как что-то абсолютное, хотя и малопонятное.

Галилейского учителя много раз пытались забросать камнями, которых так много в его стране. Его называли полоумным, бесовским сыном, помощником дьявола и другом негодяев. Намекали на незаконность его рождения. В конце концов пригвоздили к столбу с перекладиной. Сократа заставили выпить яд. Лавуазье измучили пытками, нравственно унизили и лишили свободы. Колумба заковали в кандалы.

Слабость людская более склонна почитать и возвышать умерших. Полезнее поддерживать живых гениев.

ГЕНИЙ И СПЕЦИАЛИСТЫ

Ещё печальнее отношения гения к специалистам. Положим, мыслитель вводит железные дороги. До них были шоссейные, водные пути и другие, ещё более примитивные. От осуществления идей мыслителя должны пострадать

ямщики, содержатели дорог, служащие, хозяева парусных судов, трактирщики, некоторые рабочие и т.д. Общее недовольство задетых за живое людей поддерживается учёными и специалистами, так как отражается и на них. Косность мысли и пошлые идеи окружающих мешают им вникнуть в новые течения и дать беспристрастную им оценку. Страдает и самолюбие: кто-то хочет быть выше их, умнее. Неужели администраторы не знают, что им делать? Если бы железные дороги были нужны, то они и сами ввели бы их. А тут кто-то ничтожный, неизвестный заставляет их утруждать мозги, и без того замученные. Их как бы упрекают в недальновидности, в упущении. Рабочие ломают новые машины. Начинаются ожесточённые нападки на новшества. Знаменитый Араго доказывал во Франции, что введение железных путей принесёт стране одни убытки. Гигиенисты и врачи указывали на вред быстрого передвижения не только для пассажиров, но и для зрителей, почему считали необходимым отгородить железные дороги заборами от любопытных взглядов.

Механики и фабриканты находили другие препятствия. Так, думали, что колеса локомотива будут скользить по рельсам и не повезут поезд.

Заступников было мало. Одни были равнодушны, потому что не могли ясно видеть пользу изобретения, не представляли себе ясно удешевления проезда и транспорта грузов. Да и думали — когда-то оно будет, дойдёт ли до них. Другие завидовали. Третьи — не понимали. Большинство совсем ничего не знало про новые идеи.

Задетых изобретением было сравнительно немного, но они отчаянно защищались и страшно тормозили введение проекта.

Профессиональную зависть устранить трудно, но можно было устранить бедствия, причинённые всяким нововведением. Надо пристраивать всех трудящихся, оставшихся без работы, всех служащих, оставшихся за штатом, разорившихся хозяев и т.д. Это легко сделать государству, которое получает, в общем, в сотни раз более

выгод от изобретения, чем убытков. Всякий работник полезен и не может остаться без дела, если за это возьмётся государство, которому со своей высоты все видно. Для этого, конечно, нужно, чтобы во главе его были мудрецы, люди с особенными свойствами, что возможно только при научном устройстве общества.

Вот теперь существует пишущая машина. Она имеет недостатки, например медленность письма. Пусть мыслитель откроет способ писать в шесть раз быстрее, пусть устранит и другие недостатки машины, например сложность и дороговизну. Как же это изобретение встретят люди?

Большинство не поверит, будет мало заинтересовано и останется равнодушным. Переписчики сообразят, что плата понизится, будет меньше работы и многие со своей ловкостью машиниста останутся за штатом. Ремесло их окажется бесполезным, и они будут голодать. Если они и бессильны помешать изобретателю (и то, когда между ними нет организации, а то моментально задавят), то сочувствия ему не выразят и подгадить некоторые не откажутся.

Фабриканты потратили миллионы на фабрики старых пишущих машин и на патенты. Введение изобретения разорит их или заставит платить деньги за новые патенты и переделывать свои фабрики. Во всяком случае, убытков и беспокойства окажется много. Они сильны, богаты, в зависимости от них учёные и профессионалы. Благодаря враждебному отношению фабрикантов и их значительному влиянию на специалистов, профессионалы и даже учёные-техники могут дать неблагоприятный отзыв об изобретении. Изобретатель большею частью сам слаб (богатые редко изобретают). Кто же его поддержит? Разве добрые, исключительно благородные, возможно, дальновидные люди? Но они сами материально слабы, потому что всю жизнь уже расходовали на хорошее свои силы, власть и богатство. Им уже не доверяют, так как они многократно обманывались и невольно вводили в заблуждение других. Денег у них осталось мало. Притом они сами ещё не твёрдо уверены в изобретателе.

Допустим, однако, что он осуществил своё изобретение с громадными усилиями и жертвами. Но первое

осуществление никогда не бывает совершенным, и потому ни покровителям, ни сочувствующим, ни тем более врагам изобретение не представляется безукоризненным. Последние, враждебно настроенные в силу эгоизма, даже пользуются этим естественным и неизбежным несовершенством первой попытки, чтобы категорически отрицать пользу изобретения.

Есть ещё богатые люди, не занимающиеся производством пишущих машин, но желающие ещё более разбогатеть. Однако они знают, что всякое новое дело сомнительно. Кроме того, отзывы противоречивы или даже отрицательны, сами они довольно ограничены или не посвящены в соответствующую специальность. Кроме того, ожидается борьба с конкурентами или производителями машин старой системы.

Люди эти сыты во всех смыслах, удовлетворены во всем и потому мало энергичны и боятся оригинальных дел, напряжения ума и борьбы. Поэтому и такие силы мало полезны новому изобретению.

Патенты выдаются с большим трудом, требуют не менее года времени, денег и непрерывной прогрессивной оплаты пошлин. Кроме того, и выдача патентов может быть подвержена давлению и подкупу, если есть заинтересованные сильные люди. Но чем важнее изобретение, тем более заинтересованных и задетых людей, а значит, и врагов. Изобретатель же беден, и борьба ему не под силу. Без патентов он ещё беспомощнее и раздавливается, как козявка. Только несколько лет спустя всплывает то же изобретение, уже патентованное, и в сильных руках.

Как будто для человечества все равно — вознаграждён ли изобретатель или человек, неповинный в изобретении, попросту хищник. Но это заблуждение. Во-первых, такая судьба отбивает охоту к изобретениям. Во-вторых, гибнет изобретатель, который мог бы сделать новые открытия. В третьих, гибнет его даровитый род, который мог бы принести ещё несколько плодovitых мыслей. В четвертых, совершается возмутительная несправедливость, с которой

не может примириться ни один человек, кроме тех, которые ограбили и провалили изобретателя.

Вор редко чувствует свою неправду. Насильник всегда находит себе оправдание или, по крайней мере, не судит себя очень строго. Но смотря на других, таких же, он возмущается.

Как же быть? Такова человеческая природа... Судящие неправильно и осуждающие мысль напускают на себя вид строгого беспристрастия, даже добродушия. Они уверяют, что отрицают ложную идею для пользы самого изобретателя, не говоря уже про выгоды человечества. Они-де всегда были на страже его выгод. Что делать — лукав человек.

Но, сознав ясно гибельность этого лукавства, мы сами можем бороться с собственным лукавством и лицемерием других людей. Последнее гораздо легче.

Но, опять-таки, прежде всего нужно совершенное общественное устройство. Только тогда не будет напрасно распятых, повешенных, сожжённых, заключённых, изгнанных, обиженных и заморенных нуждой и голодом. Только тогда мы не будем растаптывать и убивать своих собственных благодетелей. Только тогда будем узнавать и поддерживать их на тяжёлом пути.

Обыкновенно капиталисты поручают суждение об изобретении специалистам или учёным. Они сильны в науках и технике, они сдали соответствующие испытания и доказали свою авторитетность своими полезными трудами и даже открытиями.

Но те же специалисты никогда не сдают экзамена в добросовестности, в беспристрастии, в бескорыстии, в высшем благородстве образа мыслей.

Сдавать такие экзамены пока не принято. Напротив, эти выдвинувшиеся люди должны отличаться особенным честолюбием, завистливостью, корыстолюбием и другими

нравственными недостатками. Эти страсти играли немалую роль в их карьере. Таким людям как раз и нельзя поручать суда...

Привожу тут ещё исторические факты в доказательство того, что человечество в лице даже высших своих членов не узнавало и не ценило своих мыслителей, изобретателей, реформаторов и других благодетелей, которыми двигался прогресс и благодаря которым человек удалился от состояния животного и приблизился к небу.

Все знают, что великий Галилейский учитель был унижен, оплёван, бит и повешен духовенством своего народа: лучшими, отборнейшими и почтеннейшими людьми. Упрекали его темным происхождением и говорили, что он одержим бесами. Земляки-назаретяне пытались столкнуть его со скалы в пропасть. Также Л.Толстой был отлучён от церкви Синодом, и только политические соображения спасли его от каменного мешка.

Первые изобретатели паровых машин были отвергнуты, не поддержаны, и между ними забыт один русский рабочий Ползунов, построивший действующую паровую машину раньше Уатта.

Изобретателя швейной машины, выражаясь иносказательно, стукали по лбу.

Майера, основателя механической теории теплоты, недавно осмеяли учёные. Расстроенный, огорчённый, он покушался на самоубийство и был посажен в сумасшедший дом.

Колумб возбуждал весёлый хохот среди передовых людей своего времени, был в цепях, и даже открытая им Америка была названа не его именем.

Великий Лавуазье был казнён революционными партиями как взяточник. Между тем как он и честью своей пожертвовал ради науки, требовавшей опытов и расходов.

Говорили о том робко его судьям. Но они отвечали, что республике химики не нужны.

Конструктор холодильных машин Казимир Телье на днях умер в Цюрихе в нищете. Благодаря ему бедняки в Европе (особенно в Англии) едят дешёвое мясо, сохранённое холодом и привезённое из Австралии и Южной Америки.

Галилей был приговорён к сожжению, но по старости и смирению освобождён от казни и только лишён свободы и умер в неволе.

Гус был сожжён духовным судом, так же, как и Джордано Бруно, указавший на существование в небесах множества миров, кроме Земли.

Когда Наполеону I указали на пароход, он отказал изобретателю в поддержке и назвал паровое судно игрушкой.

Железные дороги отрицал академик Араго. Отрицали их также техники и медики как вредное для здоровья нововведение, неосуществимое и убыточное.

Палисси, изобретатель фаянса, сжёг крышу своего дома, чтобы закончить опыты. Но никто не догадался дать ему дров.

Академии наук отрицали падение болидов и возможность аэропланов и дирижаблей.

В России специалисты до самого последнего времени придерживались мнения академий относительно управляемости воздушных кораблей.

Пифагорейская школа была осмеяна за то, что считала Землю движущейся пылинкой во Вселенной. Этого не могли переварить даже такие гении, как Платон, Архимед и Птолемей. Последний открыто объявил мысль о движении Земли вздором и глупой болтовнёй.

Анаксагор за естественное объяснение лунного затмения влиянием Земли приговорён был (вместе с семьёй) народным судом к смертной казни. Только красноречие Перикла заставило заменить смертную казнь изгнанием.

Кеплер сидел в тюрьме, тётка его была сожжена, мать отпустили, но она умерла с горя после тюрьмы.

Коперник дождался издания своего сочинения только на смертном одре.

Сократа заставили выпить яд за отрицание мифологии, то есть за непокорность суевериям.

Недавно французский академик Буало звуки фонографа объяснил чревовещанием. Чтобы доказать это, он схватил за горло демонстратора.

Академик Боме отстаивал учение о четырёх стихиях (все-де составлено из земли, воды, воздуха и огня).

Гипотезу о химических элементах Лавуазье объявил бессмыслицею. Он же отрицал падение небесных камней.

Гассенди и его учёные современники не признавали солнечных пятен.

Гальвани подвергался осмеянию глупых и умных. Его называли лягушачьим танцмейстером, так как он производил опыты с лягушками.

Медицинский факультет Сорбонны глумился над Гарвеем, открывшим кровообращение.

Тьер и Прудон были против железных дорог.

Лебен открыл газовое освещение, но так и умер, не дождавшись его применения. Ему доказывали, что огонь не может существовать без фитиля.

Профессор Бабине считал невозможным проведение телеграфного кабеля через океаны.

Ома немецкие учёные называли дураком.

Английское Королевское общество отвергло опыты Джоуля. Также Ч.Дарвин был забаллотирован Французской академией наук.

Карель был в пренебрежении у Франции, то есть в своём отечестве.

Огюст Конт - этот идеал позитивистов, считал совершенно невозможным узнать химический состав небесных тел. Он же учение о неподвижных звёздах находил излишним.

Лев Толстой также считал биологию и астрономию лженауками.

Лондонское Королевское общество находило немыслимым обнародовать в печати франклиновский громоотвод.

Астрономы XVII века не могли даже допустить мысли о существовании седьмой планеты. По их мнению, больше шести их не может быть.

Гельвеций опасался применить телескоп к изучению астрономии.

Биша подобно этому отрицал пользу микроскопа для биологии.

Изобретателей множества драгоценных орудий и машин мы не знаем даже по имени. Кто изобрёл ножницы, компас,

иголку и т.п.? Вознаграждены ли эти благодетели человечества или замучены?

Примеры эти бесчисленны.

Длинными рядами проводит перед нашими глазами история этих осмеянных, забытых, обезглавленных и сожжённых светочей мира, один волосок которых стоит более миллиона средних людей.

Из предыдущего также видим, что даже отношения учёных, мыслителей и гениев к своим не прославленным ещё собратьям нередко ошибочны, несправедливы, безжалостны и жестоки.

Чего же ждать от средних людей, не умеющих отличить правой руки от левой, пребывающих в святой (но преступной) простоте. Если знаменитый, талантливый и учёный Л.Толстой отрицал величайшие науки, то чего же ожидать от средних людей. Они способны сжигать и

истреблять своих благодетелей и спасителей, совершенно того не сознавая. Нам это показали холерные бунты, народные восстания, рабочие волнения, фабричные погромы, избиения евреев и т.д.

Что же делать? Каким образом не топтать жемчуг, не сжигать святыни, не уничтожать корней растений, на которых растут питающие нас плоды? Как не уподобиться свинье, подрывающей корни дуба, желудями которого она питается, и петуху, не признающему жемчуга и драгоценных камней?

Спасение — в особенном народном устройстве, основа которого все же сам народ... Но это уже из другой оперы, и потому будем продолжать далее нашу тему о гениях.

Если гении в своих суждениях о собратьях ошибаются, то это отчасти потому, что они все же остаются людьми со всеми нравственными недостатками: завистью, ревностью, эгоизмами всякого рода (личным, половым, семейным, родственным и т.д.)

Гении большею частью развиваются односторонне, даже в ущерб другим своим свойствам. Их нравственные недостатки нередко бывают гораздо сильнее, чем у средних людей.

Кроме того, гений, достигший успеха, окрепший, начинает портиться понемногу и становится хуже, чем был. Сделавшись богатым и сильным, он перестаёт понимать бедных и слабых. Он забывает мало-помалу то, что сам перенёс и что очень могло бы его нравственную философию возвысить, если бы не забывчивость, не способность быстрой порчи.

Он скоро начинает корчить аристократа мысли и породы, всезнайку, непогрешимого, не понимает страдания, унижения, голода, беспомощности, так как сам от всего этого избавился.

Приведём ещё исторические примеры из жизни знаменитых людей в подтверждение наших мыслей о нетерпимости

кастовых учёных и людей, уже пробившихся к ним и стоящих на высоте силы и благосостояния.

Нет большего заблуждения, чем думать, что гении и мыслители, двигающие науку и прогресс, выходят из дипломированных учёных и специалистов своего дела.

Великие выдвигаются большею частью из всего человечества, из всевозможных его слоёв, не имея при себе дипломов, свидетельствующих о принадлежности их к учёной корпорации.

Так, всеобъемлющий гений Леонардо да Винчи был художником. Астроном Уильям Гершель — музыкантом. Физик Франклин — тряпичником, типографом, вообще грубым тружеником. Кулибин — мещанином-самоучкой, как и астроном Семенов. Ботаник Мендель — монахом. Астроном Коперник — каноником, то есть псаломщиком, дьячком. Натуралист Ламарк — военным. Чарльз Дарвин — фермером (или помещиком). Лавуазье — откупщиком. Ньютон — чиновником, смотрителем монетного двора. Пристли —

богословом. Физиолог Найдт — садовником. Фраунгофер — стекольным фабрикантом. Ботаник Шпренгель — школьным учителем, физиолог Буссенго — горным служащим. Уатт — слесарем. Фабр — учителем. Физиолог Пастер — химиком. Агроном Теэр — врачом, как Майер и Гальвани. Эдисон из самоучек, как и Фарадей (сын кузнеца). Менделеев — педагогом.

Эти и подобные им люди дали науке и человечеству безмерно больше, чем все официальные учёные вместе.

Но как же к ним отнеслись, что они должны были претерпеть, прежде чем заслужить внимание. Многие из этих счастливицков добились некоторого признания ещё при жизни (так, Фабру поставлен памятник до его смерти). Но сколько при этом великих было растоптано, обижено, ограблено, уничтожено в самом корне, сколько имён авторов благодетельных идей навеки погибло.

На гробнице Ламарка его дочь сделала надпись: «Ты будешь отомщён». Сколь много говорят эти слова.

Профессора заставили знаменитого Ньютона сбежать в чиновники. То же случилось и с нашим Менделеевым: он ушёл из университета ещё в силах. Кювье преследовал Ламарка и со своими собратями-академиками провозгласил его идиотом. Великая рукопись Ньютона валялась без внимания и была напечатана много лет спустя после её написания. Эдисон долго скитался в бедности, не находя приложения скрытым в нем силам. То же было и со знаменитым Бербанком. Все это продолжает совершаться и теперь, в особенности в таких некультурных странах, как старая Россия.

Великие дела творили не присяжные учёные, а люди в общепринятом смысле маленькие. Таковы, например, артиллерист Энгельгардт и великий Либих, не кончивший среднюю школу и попавший в профессора только благодаря протекции и связям Гумбольдта.

Итак, чтобы быть судьёй человека выдающегося, недостаточно быть самому изобретателем или мыслителем.

И тот и другой могут не только не понять чуждый им мир или чуждую идею, но могут быть просто несправедливы, пристрастны в силу общей человеческой слабости и слабости профессионалов (ревность, зависть) в особенности.

Простые средние люди часто бывают справедливы и добры, но им недостаёт знания, гениальности и всеобъемлющего дарования.

Судить людей, в особенности высших, могут только избранные, соединяющие в себе чистое, беспристрастное сердце с обширным разумом, талантами, свежестью и многосторонними знаниями.

Где взять таких людей, и кто их узнает и призовет к власти и суду? Это особая наука, ещё не обнародованная и известная немногим, корень которой лежит в устройстве человечества, которое и будет все привлечено к отысканию среди себя гениев и к оценке всех вообще людей (см. мою работу «Общественная организация человечества», 1928г.).

СЛАБОСТИ ГЕНИЕВ

Таланты и гении большею частью бывают односторонни: одни их способности развиваются за счёт умаления других. В жизни они иногда слабее и ограниченнее всех. Пушкин, этот глубокий психолог, говорил про талант: «...и всех детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Для слуги великого человека его господин незаметен, даже презренен, так как он видит только его слабости.

«Только великие люди обладают великими недостатками», — говорит Ларошфуко. Жорж Санд выражалась в таком духе: «Вот где сидят у меня эти великие люди. Хорошо читать их жизнеописания, приятно посмотреть на них, отлитых из бронзы или высеченных из мрамора, но плохо иметь с ними дело. Они злы, взбалмошны, деспотичны, желчны, подозрительны».

Шопенгауэр говорил: «Гении не только невыносимы в жизни, но безнравственны и жестоки, трудно этим людям

иметь друзей. На высотах мысли царит одиночество». Прибавим, что сам Шопенгауэр избил одну старуху и должен был по суду платить ей всю жизнь пенсию.

Мы думаем, что найдётся 50% великих людей с противоположными свойствами. Но будем продолжать о недостатках. Если они и есть у некоторых, то вполне извинительны, так как заглаживаются высокими свойствами ума и страстным стремлением осуществить свои высокие замыслы.

Многочисленные биографии знаменитостей подтверждают эти мнения о них самих.

Кроме обыденных недостатков, свойственных всем людям, гении, в силу своего сосредоточения и своего таланта, имеют ещё особенные специальные недостатки. Они рассеянны. Увлечённые своей идеей, они пренебрегают приличиями, ближними и жертвуют всем, лишь бы восторжествовала их мысль. Их часто не останавливает преступление, гибель множества, когда дело идёт об исполнении их любимой идеи.

Они отвратительные мужья. Лаплас был позорно скуп. Другие расточительны. Иные холодны сердцем, а иные слишком женолюбивы и легкомысленны. Так, Саллюстий, Сафо и Аристипп были распущенны до разврата. Карлейль и Некрасов истязали жён. Мюссе и Л.Толстой были ревнивцами. Доницетти мучил всю семью. Руссо бросал своих детей в воспитательные дома. Аристотель был низко льстив, хотя бы по отношению к Александру. Микеланджело — труслив. Гейне и Лермонтов были невыносимы своими насмешками и сварливостью. Бэкон продавал правду, а Лавуазье брал взятки. Парацельс был до смешного хвастлив. Он говорил, что в его колпаке и бороде больше учёности, чем во всех академиях. Что он настолько восторжествует, что Аристотеля назовут Аристотелишкой. Он же не считал американских туземцев за людей, так как они-де произошли не от Адама, а потому не имеют души.

Даровитые люди не свободны от самых грубых суеверий. Они склонны к употреблению возбуждающих веществ: спирта, гашиша, морфия — и нередко преждевременно губят себя и свой талант. Таковы Эдгар По, Помяловский, Николай Успенский и множество других.

В то же время гении умиляют нас бескорыстием, сосредоточенностью и преданностью своей идее.

Бода Де Цулен умирал с голоду и все же тратился на книги. Ньютон совсем не знал женщин. Гении до того сосредоточиваются, что не сознают окружающего мира и слывут сумасшедшими или больными. Когда Ньютон писал свои «Начала», то он, поглощённый своими мыслями, забывал одеваться и есть. Однажды он пообедал, но не заметил этого. И когда пошёл по ошибке обедать в другой раз, то очень удивился, что кто-то съел его кушанья. Лейбниц был целыми месяцами как бы прикован к письменному столу. Милль ходил по улице как автомат. Кюри был раздавлен насмерть в таком состоянии ломовым. То же было с Костомаровым, но его раздавили не до смерти. Дидро забывал дни, месяцы, годы и имена близких людей. Гоголь, Гёте, Сократ, Архимед не замечали смертельной опасности во время своей работы. Ампер, уходя из своей квартиры, написал мелом у себя на дверях: «Ампер будет дома только вечером». Но он случайно возвращается домой ещё днём. Читает надпись на своих дверях и уходит обратно, так как

забыл, что он сам и есть Ампер. Он же сморкался в тряпку, которой стирал мел во время лекций, и, намазанный мелом, возбуждал весёлость студентов. Другие писали на карете вычисления и гонялись за ней, когда она уходила. Садись на тумбу вместо экипажа. Архимед в бане, полоскаясь, наведён был на открытие своего гидростатического закона. Забыв, что раздет, он выскакивает голый на улицу и, радуясь, кричит неистово: «Теперь понял, понял!»

По окончании труда гений приходит в себя и тогда походит на людей, но вообще он ниже среднего уровня. Это и понятно, так как развитие одних способностей большею частью, хоть и немного, отражается отрицательно на других. Большое заблуждение говорить про необыкновенных людей: если он гений, то он и во всем выше других людей.

Мозг талантов, как, например, у Гамбетты, часто меньше средней величины. Если у Кювье, Гельмгольца и других мозг весил больше среднего, то это объясняется склонностью их с самого детства к водянке головного мозга.

Много людей можно найти с большими мозгами, но великих людей в миллионы раз меньше, да и у тех головы чаще среднего размера. Это и понятно, так как гениальность есть не столько количество, сколько качество. Все же у людей интеллигентных профессий объем головного мозга больше среднего. Но, во-первых, они не гении, а, во-вторых, общее высшее образование теперь требует, благодаря экзаменам, выдающейся памяти, которая невозможна без обширного головного мозга.

Гении развиваются рано, но они не выделяются официально своими успехами в школе. Освальд в своём исследовании говорит о гениях, что это плохие ученики. Так, Либих лишь по протекции Гумбольдта попал в профессора. Также и наш Гоголь получил кафедру. Гоголь был аттестован в поветовой школе, в которой некоторое время учился, как тупица и шалопай. Пушкин очень слабо успевал в лицее и плакал на уроках арифметики. Л.Толстой на экзаменах в университете наполучал единиц. Чехов два раза в гимназии оставался на второй год.

Горе было бы старинным талантам, если бы они жили в наше время. Многие бы из них не прошли жизненного и школьного искуса (что, конечно, не говорит о его совершенстве). Впрочем, это было и всегда, только в большей или меньшей степени, то есть жизнь выбрасывала и умерщвляла таланты.

Разумеется, есть гении нравственности (Будда, Иисус, Конфуций, святые). Они судили бы справедливо. Но, к сожалению, они односторонни, как и другие гении, то есть они едва ли могли бы дать верную оценку всех родов идей.

Возможны и такие гении, которые всего имеют понемножку, но достаточно. Они более других редки и драгоценны. Им-то и должен быть отдан суд. Они сумели бы для этого пользоваться познаниями других столь же добросовестных специалистов.

СУДЬБА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ

Представим себе общую картину жизни гения, ну хоть изобретателя.

Есть разного рода изобретения. Одни легко осуществляются средствами самого бедного изобретателя, каковы разные усовершенствования: булавки, пряжки, иголки, запонки, пуговицы, простые инструменты и предметы домашнего обихода. Такой изобретатель находится в лучших условиях. Но и в этом случае тормозом служат расходы на патенты и незнакомство изобретателей с юридическими законами. Многие думают (даже юристы тут часто несведущи), что стоит только доказать несомненность изобретения его автором, и дело в шляпе — патенты обеспечены. Но оказывается, что о своём открытии надо абсолютно молчать до тех пор, пока не получено от патентного учреждения заявочного свидетельства. Результатом незнания этого закона бывает нередко похищение изобретения и патентование его людьми хотя и не изобретательными, но лукавыми, честолюбивыми или жадными.

Если патенты и получены изобретателем, то его истощат прогрессивные налоги, прежде чем изобретение будет приносить выгоды. Неуплата же пошлин отнимает у изобретателя права, и изобретение его делается достоянием и дойной коровой фабрикантов.

Издаются всюду патентные журналы, в которых подробно описываются и иллюстрируются все изобретения. Большинство их уже не принадлежит их авторам. Отсюда извлекается желающим беспошлинно все, что понравится. Это хорошо, но только отчасти, так как мысль не поощряется. Этим мы бесконечно больше теряем, чем приобретаем. Гений губится нашей нерасчётливой жадностью при самом его зарождении. Он приносит человечеству триллионы, а оно скупится ему дать тысячи. Что может быть безумнее этого. Сколько изобретателей разочарованных, озлобленных или недостаточно нравственных благодаря неразумному отношению человечества скрывают свои изобретения и великие идеи, которые могли бы преобразить мир к лучшему.

Если изобретатель сойдётся с порядочным человеком, то последний покупает у него изобретение, а сам берет патент и эксплуатирует его. Иногда даже делится выгодами с изобретателем.

Но трудно предвидеть значение и успех даже самого мелкого изобретения. Поэтому и совестливый покупатель отделяется обыкновенно ничтожной суммой.

Другие изобретения, более сложные, менее очевидные, требуют капиталов и талантов для своего увенчания. Тут покупатель или меценат ещё более остерегается. Сами они не могут оценить изобретение. Обращаются к специалистам. Те большею частью дают небрежный отзыв, видят трудности и не берут на себя ответственности из боязни потерять авторитет.

Чем сложнее новое, гениальное изобретение, чем осуществление его требует больше жертв, времени и искусства, тем несчастнее изобретатель, потому что тем более успех дела зависит от участия к нему многих. Патенты здесь почти бесполезны, потому что законный срок на осуществление трудного изобретения чересчур мал, и изобретение пропадает для изобретателя, несмотря на получение из всех стран привилегии.

Без патентов же всегда найдутся охотники попользоваться чужим. Молчать опять невозможно: никто не будет знать и не от кого будет получить помощь.

Бывает много ложных изобретателей или открывателей Америки, которые часто имеют поддержку, но, провалив меценатов и специалистов, способствуют распространению убеждения о рискованности мира изобретателей. Пойдите же отличите истинных пророков от вздорных.

Так как на тысячу попыток к высшему только одна чего-нибудь стоит, то составляется общее представление об изобретателях как о ненормальных, сумасшедших, бездарных и ограниченных людях. Их избегают как чумы, стыдятся их. Поддерживать и помогать им считается таким же невежеством, как покровительствовать знахарям, блаженным, странникам и тунеядцам.

Мыслителей, начинающих писателей и талантов ожидает та же судьба. Уж очень много между ними посредственностей, людей зачаточных. А разобрать, кто из них чего

заслуживает, кого ждёт блестящая фортуна, хоть убей, не отгадает ни один специалист, ни один мыслитель. Только одно истинно прекрасное общественное устройство может решить эти задачи. Но его нет, и его надо вводить.

Множество устремлений к изобретениям и высшим целям, в сущности, отрадно. Оно доказывает, что общество когда-нибудь сумеет ими воспользоваться и достигнуть небывалой высоты и благосостояния.

Мир отчаянно несовершенен. Никуда не годны в нем языки (точнее, средства устного общения людей), алфавиты, счисление, календарь. Невозможны — нравственность, законы, религии, общественное устройство. Несовершенны дороги, фабрики, эксплуатация сил природы. Не годна обработка земли, культура растений. Странны отношения людей друг к другу и к животным.

Ничего не предпринимают люди к улучшению своих пород (то есть самих себя, своей природы) и к усиленному размножению. Земной шар представляет, в сущности,

малонаселённую пустыню и полное господство природы над человеком и т.д. и т.п.

Кажется, имеется обширное поле для изобретателей, мыслителей и исполнителей. Но где они? Стремясь освободиться от своих уз, от общего невежественного, тупоумного, животного давления окружающего стада, они не могут даже поднять головы, чтобы не получить страшного удара. Их снова пригибают к земле. Они распластаны на ней беспомощно и жалко.

Уж лучше нам, средним людям, без строгого разбора (или очень снисходительно) помогать всем стремящимся ввысь. Я не говорю, чтобы безрассудно рисковать общественным достоянием, но будет довольно для большинства изобретателей и мыслителей, если не давать им умирать с голоду и холоду, если дать им досуг, передышку от житейских забот и предоставить книги, орудия и мастерские для попыток осуществления их идей, нередко уродливых, вздорных, ненаучных, нерассчитанных, не новых и недостаточно обдуманных.

Притом склонность к мышлению, к изобретению, к новшеству сто раз может быть бесплодной, а в сто первый раз принести изумительные плоды.

Коли бы четвертая часть человеческих работников была поглощена новыми мыслями и изобретениями и сидела бы на шее остальных, то человечество все же чрезмерно бы выиграло, благодаря непрерывному потоку изобретений и интеллектуальных трудов, исходящих из этой оравы стремящихся ввысь.

Иные бы ничего не дали, другие дали бы что-нибудь через десять-двадцать лет, а некоторые, очень немногие, принесли бы скорые, многократные и великие плоды.

Тот, кто приносил их хоть раз, хоть малость, мог выделяться и обставляться лучше (судя по заслугам). Неудачники могли исключаться на год или больше, чтобы работать попросту, то есть как работают средние люди. Таким образом, число

тунеядцев можно уже через год сократить в сотни, тысячи раз.

По-моему, не надо жалеть на работу мысли и половины всех человеческих сил.

СУДЬБА

Есть ли высшие силы, есть ли первопричина всех вещей и явлений? Конечно, последняя не может не быть, и она-то распоряжается судьбою мира и, в частности, земного человечества. В сущности, это сама вселенная.

Как же относится она к человеку? Как относится к своим избранным, отмеченным печатью гения?

Странно, но это отношение кажется с первого раза как будто безучастно, даже жестоко. Что человечество несчастно, несовершенно, что оно страдает и безумствует — очевидно. Но это можно объяснить младенческим его возрастом,

первоначальной стадией развития. Пройдёт она, и тогда наступит совершенство, блаженство и бессмертие, как у большинства бесчисленных миров Вселенной.

Но как объяснить, как оправдать равнодушие фортуны (судьбы) к своим избранным, любимцам, гениям? Мы уже перечислили или, по крайней мере, привели достаточно примеров жестокой судьбы гениев. Средние люди целы, спокойны, обеспечены и, насколько возможно, счастливы.

Но как может быть так сурова первопричина к гениям? Одного она убивает в расцвете сил и плодотворной деятельности, другому болезнь или старость не даёт закончить работы, третьего уничтожает простой случай. Зачем убиты на глупых дуэлях Пушкин и Лермонтов? Зачем в таких же цветущих годах распят Галилейский учитель? Зачем раздавлен ломовым извозчиком Кюри, а Мосли убит шальной пулей? Чем оправдать, чем объяснить гибель множества гениев?

Отчасти эти явления есть результат несовершенства человеческой толпы, человеческих обычаев, учреждений и

законов. Вопиющий факт казни гения, праведника, благодетеля людей — производит на них глубокое, продолжительное, многовековое впечатление и предостерегает их от ошибок. Гибель немногих невинных спасает множество других таких же или хоть пониже рангом.

С одной стороны, вопиющие преступления толпы лежат на её ответственности, с другой — распоряжается все же не она, а фатум — первопричина. Если последняя и не вступает непонятным (или чудесным) образом в несправедливое и безумное дело, то на это есть основание: дать урок человечеству. Гибель одного спасает множество. Она поражает людское сердце жалостью и раскаянием и возбуждает преклонение перед высшею нравственностью погибших.

Есть и другой повод допускать гибель великих в расцвете их силы. Гений уже сделал много, достиг апогея своего развития. За ним должен наступить практический успех, торжество избранного. Он получает власть. Власть портит несовершенную природу человека, развращает его очень скоро. Наш сохранившийся гений идёт обратным ходом. В нем разочаровываются окружающие. Он уже не может

служить вечным образчиком истины и величия. При сохранении гениев не было бы живых идеалов.

Но идём дальше. Забрав силу и испортившись, гений долго может её удерживать. Не выпускают её и его наследники. В результате много зла. Оно может во много раз превысить сделанное ранее добро.

В том-то и штука, что несчастья возвышают человека (если, конечно, они в меру, по силе избранного), а счастье, успех, удовлетворение страстей — развращают, обезличивают и расслабляют. Такова пока жалкая природа человека, даже отмеченного дарованиями. И гений не может ещё отрешиться от своей животной породы, от наших страстей.

Все же неожиданная гибель многих даровитых людей не совсем понятна. Может быть, неизвестная будущая судьба, которая ожидала погибших, объяснила бы нам их безвременную смерть как благой поступок причины (космоса).

Для справки:

Работа написана К. Э. Циолковским в 1918 г. При жизни не публиковалась. В ней Циолковский наиболее подробно изложил свои взгляды на роль творческой личности в развитии цивилизации. Рассуждая об особенностях взаимоотношений непризнанного официально мыслителя с семьей, коллегами, обществом, ученый нередко опирался на личный опыт. Думается, что мнение Циолковского о значении научной мысли для развития человечества покажется современному читателю достаточно интересным, хотя и не бесспорным.

- Гутенберг Иоганн (ок. 1399–1468) – немецкий изобретатель книгопечатания.
- ...предок Чарльза Дарвина (Эразм) и сын его (Джон) были людьми выдающимися... – Эразм Дарвин (1731–1802) – английский врач, натуралист и поэт. Дед Чарльза Дарвина.
- Ксантиппа – жена Сократа, известная своим скандальным характером.
- Гальвани Луиджи (1737-98) – итальянский анатом и физиолог, один из основателей учения об электричестве, основоположник экспериментальной электрофизиологии.
- Араго Доминик Франсуа (1786–1853) – французский ученый. Исследовал поляризацию света, открыл намагничивающее действие электрического тока и др. Труды по астрономии, истории науки. Оказал большое влияние на французскую науку. Популяризатор науки.
- Ползунов Иван Иванович (1728-66) – русский теплотехник, один из изобретателей теплового двигателя. В 1763 г. разработал проект универсального теплового двигателя – первой в мире пароатмосферной машины непрерывного действия, осуществить который ему не удалось. В 1765 г. построил по другому проекту первую в России паротеплосиловую установку для заводских нужд, проработавшую 43 дня; за неделю до ее пуска Ползунов скончался.

- Уатт Джеймс (1736–1819) – английский изобретатель, создатель универсального теплового двигателя. Изобрел (1774-84) паровую машину с цилиндром двойного действия. Машина Уатта сыграла большую роль в переходе к машинному производству.
- Майер Юлиус Роберт (1814-78) – немецкий естествоиспытатель, врач. Первым сформулировал закон сохранения энергии (эквивалентности механической работы и теплоты) и теоретически рассчитал механический эквивалент теплоты. Идеи и приоритет Майера долго не признавались, что привело его к тяжелой болезни.
- Палисси Бернар (ок. 1510-1589 или 1590) – французский художник-керамист и естествоиспытатель.
- Птолемей Клавдий (ок. 90 – ок.160) – древнегреческий астроном, создатель геоцентрической системы мира. Разработал математическую теорию движения планет вокруг неподвижной Земли. Система Птолемея изложена в его главном труде «Альмагест» – энциклопедии астрономических знаний древних. В труде «География» дал сводку географических сведений античного мира.
- Анаксагор из Клазомен в Малой Азии (ок. 500–428 г. до н. э.) – древнегреческий философ, выдвинул учение о неразрушимых элементах – «семенах» вещей. Движущий принцип мирового порядка – ум (нус), организующий элементы.
- Перикл (ок. 490–429 до н. э.) – афинский стратег, вождь демократической группировки. Законодательные меры Перикла способствовали расцвету афинской рабовладельческой демократии.
- Кеплер Иоганн (1571–1630) – немецкий астроном, один из творцов астрономии нового времени. Открыл законы движения планет, заложил основы теории затмений, изобрел телескоп, в котором объектив и окуляр – двояковыпуклые линзы.
- Коперник Николай (1473–1543) – польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира. Совершил переворот в естествознании, отказавшись от принятого в течение многих веков учения о центральном положении Земли.
- Гассенди Пьер (1592–1655) – французский философ-материалист, математик и астроном.

- Гарвей Уильям (1578–1657) – английский врач, основатель современной физиологии и эмбриологии. Описал большой и малый круг кровообращения. Изложил учение о кровообращении, опровергавшее представления, господствовавшие со времен Галена, за что подвергался гонениям со стороны современных ему ученых и церкви.
- Тьер Адольф (1797–1877) – французский государственный деятель, историк.
- Прудон Пьер Жозеф (1809–65) – французский социалист, теоретик анархизма, экономист.
- Ом Георг Симон (1787–1854) – немецкий физик. Установил закон, названный его именем. Труды по акустике, кристаллооптике.
- Джоуль Джеймс Прескотт (1818–89) – английский физик.
- Конт Огюст (1798–1857) – французский философ, один из основоположников позитивизма и социологии. Позитивизм рассматривал как среднюю линию между эмпиризмом и мистицизмом.
- Гельвеций Клод Адриан (1715–71) – французский философ. Утверждал, что мир материален и бесконечен во времени и пространстве, мышление и ощущение – свойства материи.
- Биша Мари Франсуа Ксавье (1771–1802) – французский врач, один из основоположников патологической анатомии и гистологии. Основатель научной школы.
- Гершель Уильям (1738–1822) – английский астроном, основоположник звездной астрономии. С помощью изготовленных им телескопов производил систематические обзоры звездного неба, исследовал звездные скопления, двойные звезды, туманности. Построил первую модель Галактики, установил движение Солнца в пространстве, открыл Уран, два его спутника и два спутника Сатурна.
- Франклин Бенджамин (1706–90) – американский просветитель, государственный деятель и ученый. Интересовался многими науками. В 1747–1753 гг. издал ряд трудов по электричеству: ввел общепринятое ныне обозначение электрически заряженных

состояний – «+» и «-»; доказал электрическую природу молнии; изобрел молниеотвод и т. д.

- Кулибин Иван Петрович (1735–1818) – механик-самоучка. Изобрел множество различных механизмов.
- Мендель Грегор Иоганн (1822–84) – австрийский естествоиспытатель, монах, основоположник учения о наследственности.
- Ньютон Исаак (1643–1727) – английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики. Фундаментальные труды: «Математические начала натуральной философии» и «Оптика».
- Пристли Джозеф (1733–1804) – английский химик, философ, сторонник деизма.
- Фраунгофер Йозеф (1787–1826) – немецкий физик. Усовершенствовал изготовление линз, дифракционных решеток. Подробно описал линии поглощения в спектре Солнца, названные его именем.
- Фабр Жан Анри (1823–1915) – французский энтомолог. Учебники и научно-популярные труды по биологии насекомых.
- Пастер Луи (1822–95) – французский ученый. основоположник современной микробиологии и иммунологии.
- Эдисон Томас Алва (1847–1931) – американский изобретатель и предприниматель, организатор и руководитель первой американской промышленно-исследовательской лаборатории. Для деятельности Эдисона характерны практическая направленность, разносторонность, непосредственная связь с промышленностью.
- Фарадей Майкл (1791–1867) – английский физик, основоположник учения об электромагнитном поле.
- Менделеев Дмитрий Иванович (1834–1907) – российский химик, разносторонний ученый, педагог. Открыл периодический закон химических элементов – один из основных законов естествознания.
- Бербанк Лютер (1849–1926) – американский селекционер. Автор многих сортов плодовых, овощных, полевых и декоративных культур.

- Энгельгардт Александр Николаевич (1832-93) – российский агроном, публицист.
- Либих Юстус (1803-73) – немецкий химик. Исследовал органические соединения. Создал собственную научную школу химии, один из создателей агрохимии.
- Гумбольдт Александр (1769–1859) – немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник. Один из основателей географии растений и учения о жизненных формах. Произведения Гумбольдта оказали большое влияние на развитие эволюционных идей и сравнительного метода в естествознании.
- Ларошфуко Франсуа де (1613-80) – французский писатель-моралист.
- Жорж Санд (наст. имя Аврора Дюпен. 1804-76) – французская писательница.
- Шопенгауэр Артур (1788–1860) – немецкий философ, представитель волюнтаризма.
- Лаплас Пьер Симон (1749–1827) – французский астроном, математик и физик; автор классических трудов по теории вероятностей, небесной механике и многих других.
- Саллюстий (86 – ок. 35 г. до н. э.) – римский историк.
- Сафо (Сапфо) (VII–VI вв. до н. э.) – древнегреческая поэтесса.
- Лристипп (2-я пол. V в. – нач. IV в. до н. э.) – древнегреческий философ из Кирены в Северной Африке, ученик Сократа, основатель киренской школы, один из родоначальников гедонизма.
- Карлейль Томас (1795–1881) – английский публицист, историк и философ, признававший существование божественной сущности, единственной универсальной реальности; критиковал буржуазные порядки, идеализируя средневековье. Выдвинул концепцию «культу героев», единственных творцов истории.
- Мюссе Альфред де (1810-57) – французский поэт-романтик.
- Доницетти Гаэтано (1797–1848) – итальянский композитор.
- Бэкон Роджер (ок. 1214-92) – английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец. Профессор в Оксфорде. Придавал большое значение математике и опыту – как научному

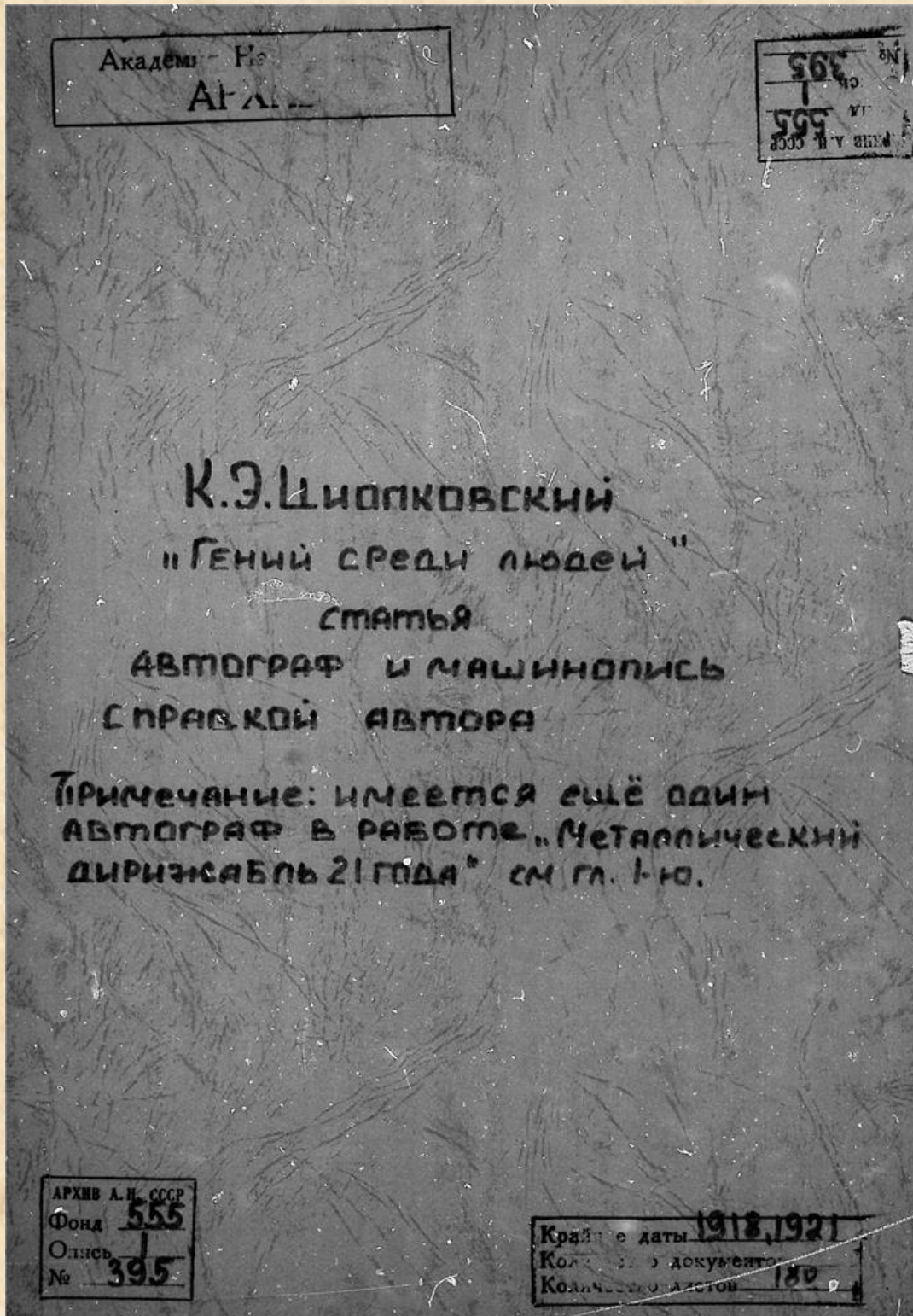
эксперименту, так и внутреннему мистическому озарению. Занимался оптикой, астрономией, алхимией; предвосхитил многие позднейшие открытия.

- Парацельс (1493–1541) – символическое имя, принятое величайшим оккультистом средневековья – Филиппом Бомбастом Ауреолом Теофрастом фон Гогенгеймом. Он был мудрейшим врачом своего столетия, ясновидящим высокой степени, одним из самых ученых и эрудированных философов и мистиков и выдающимся алхимиком, оставил после себя множество трудов, которые по сей день высоко ценятся у каббалистов и оккультистов.
- Помяловский Николай Герасимович (1835-63) – русский писатель, создал реалистические образы разночинцев.
- Успенский Николай Васильевич (1837-89) – русский писатель. Бытовые очерки и рассказы из жизни крестьянства, вскрывающие социальные корни духовной неразвитости и рутинности мышления.
- Кюри Пьер (1859–1906) – французский физик, один из создателей учения о радиоактивности. Открыл и исследовал пьезоэлектричество. Погиб в уличной катастрофе.
- Костомаров Николай Иванович (1817-85) – русский и украинский историк, писатель.
- Ампер Андре Мари (1775–1836) – французский ученый, один из основоположников электродинамики.
- Кювье Жорж (1769–1832) – французский зоолог, один из реформаторов сравнительной анатомии, палеонтологии и систематики животных.
- Гельмгольц Герман Людвиг Фердинанд (1821-94) – немецкий ученый. Автор фундаментальных трудов по физике, биофизике, физиологии, психологии. Сторонник физиологического идеализма.
- ...аттестован в поветовой школе. – Повет – уезд, часть области или губернии, со своим управлением.

**Фотокопии рукописей
Циолковского**

«ГЕНИЙ СРЕДИ ЛЮДЕЙ».

СТАТЬЯ. АВТОГРАФ И МАШИНОПИСЬ С ПРАВКОЙ
АВТОРА

442
н 340-4 экз.
по 374
И/68
К. Ц и о л к о в с к и й .

32
2

ГЕНИИ СРЕДИ ЛЮДЕЙ.
=====

(12с.)
/1918 г. имеется в виду несовершенный общечеловеческий
строй жизни/.

ЗНАЧЕНИЕ ГЕНИЯ. ОТНОШЕНИЕ ГЕНИЯ К РОДНЕ, ЗЕМЛЯКАМ, НАРОДУ,
ПРАВИТЕЛЬСТВУ, СПЕЦИАЛИСТАМ, УЧЕНЫМ. НЕДОСТАТКИ ГЕНИЯ,
ПОРЧА ГЕНИЯ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

ЗНАЧЕНИЕ ГЕНИЯ.

Гений придумал молоток, нож, пилу, ворот, блок, на-
сос, лодку, мельницу, лук со стрелами, удочку, сети,
одежду, обувь, дом. Он приручил животных, научил людей
земледелию. Гений изобрел машины, которые облегчают
труд человека в десятки, тысячи и миллионы раз и делают
продукты совершеннее.

Например, швейная машина облегчает, улучшает и
ускоряет шитье в десятки раз. Сколько людей она избави-
ла от слепоты, от чахотки, сколько людей обула и одела,
сколько сохранила времени для других работ! Таковы же
ткацкие машины и множество других. Изобретение книгопе-
чатания сделало книги в несколько тысяч раз дешевле,
сравнительно с тем когда они писались.

Гений открыл железо, сталь и разные металлы. Он по-
казал возможность того, что прежде казалось совсем не-
возможным. Железо не умели добывать из руд /каменной/ сот-
ни тысяч лет и пользовались тем, которое падало с неба
в виде аэролитов.

Гений открыл драгоценные свойства веществ, свойства
газов, пара, жидкостей и твердых тел.

Он сократил в сотни раз расстояние. Он заставил силы природы работать вместо животных и возить человека, грузы и самих животных по земле, воде и воздуху. Скорость этого движения теперь превышает 100 верст в час или 2400 верст в сутки. В воздухе она достигает даже 200-300 верст в час или 7000 верст в сутки. Она превосходит скорость летящего орла, скорость рыб в воде и скорость самых быстрых животных на суше.

Гений научил людей разговаривать на расстоянии тысяч верст и передавать мысли из одной части света в другую со скоростью молнии /даже без проводов/. Он заставил говорить, петь, играть и подражать звукам всех животных - мертвое тело, неодушевленную материю. Он устроил автоматы, подобные человеку, придумал счетительные машины, которые работают безошибочно и в сотни раз быстрее самого ловкого счетчика. Гений превзошел самого себя.

Он дарует жизнь больным, спасает умирающих, искалеченных, заменяет оторванные руки и ноги искусственными, возвращает голос и зрение, дает слух, восстанавливает разрушенные органы, научает быть здоровым и жить долго. Кости от мертвых он переставляет живым и эти кости оживают и служат вместо испорченных болезнью.

Гений придумал наседку для вывода яиц без участия теплокровных. Он победил невидимые смертоносные бактерии, производящие дифтерит, оспу, сифилис, бешенство и много других.

Он увидел то, что ранее никто не видал. Микроскоп показал ему строение невидимых клеточек, этих основ живой материи, механизмы существ и их мельчайших органов, огромный мир бесконечно малых животных и растений.

Гений определял форму Земли, измерил ее, а также Луну, Солнце и другие небесные тела. Он узнал их взаимные расстояния. С помощью телескопов он приблизил к себе небо в тысячу раз. Таким образом он показал людям то, что прежде никто не видал. На Луне и планетах оказались горы, подобные земным. Люди увидели в миллион раз больше звезд, или солнц, чем видели раньше. Каждая звезда оказалась удаленным от нас солнцем, более могущественным, чем то, которое оживляет Землю. Обнаружилось существование миллиардов солнц со многими миллиардами планет, подобных Земле.

Но кроме этой нашей кучи солнц, нашли миллионы подобных. Мир оказался беспредельным.

Нашли один и тот же свет, одно и то же тяготение, одни и те же силы природы и одно и то же вещество во всей вселенной. Одним словом - единство Земли и Неба, а, следовательно и единство их первопричины.

Только о существовании вне Земли разумных, или хоть какихнибудь существ ровно ничего неизвестно. Но голос разума, голос гения кричит во все горло, что не только вселенная битком набита ими, но что даже огромный процент этих существ достиг совершенства, непостижимого пока для ограниченного человечества, находящегося еще в младенческом фазисе своего бытия.

Гений нашел цель существования. Это - познание, совершенствование, устранения зла и всякого страдания, - распространение высшей жизни.

Сначала благодеяния гениев распространялись среди небольшой группы сильных, ученых, знающих и богатых. Но потом они проникали вниз и делались достоянием всех людей. Кто теперь не пользуется железными дорогами, паро-

ходами, механическими двигателями, фабриками, заводами, стеклом, посудой, инструментами, бумагой, книгами, лампами, одеждой, обувью и т.д., - приготовленными упрощенными способами, по указанию изобретателей и мыслителей! Кто не читает, не воспринимает великие идеи, не наслаждается и не поучается литературными произведениями гениев!

Не было бы гениев, не было бы и движения человечества вперед по пути истины - к прогрессу, единению, счастью, бессмертию и совершенствованию. И это еще начало. Что будет дальше, что ожидает человечество - это трудно себе и представить!

Есть разница между трудом средних людей и творчеством мыслителей. Творчество последних переживает своих творцов и нередко бывает бессмертно. Разве не бессмертно изобретение Гутенберга! Сотни лет прошло со времени его смерти, но разве перестанут когда-нибудь пользоваться книгопечатанием в том или другом образе и благословлять его изобретателя! Разве перестанут когда-нибудь расходиться этим путем высокие идеи, распространяя свет знания, истины и радости!

Всякий, кто будет пользоваться швейной машиной, медьюницей, путями сообщения, - если бы даже прошли тысячи лет, не перестанет чувствовать изобретателя и благодарить его творчество.

Благодетели истинного гения вечны, они никогда не исчезают, а сыпятся непрерывным потоком, как из рога изобилия. В то же время они материальны, они составляют чистое золото, драгоценные камни, хлеб, одежду, всякие удобства и т.д.

Как бы не казались дары гения духовны, они всегда сводятся к материальному.

Положим, гений научит людей сдерживать свои дурные страсти: избегать драки, ругани, соперничества, войн. На что духовнее этих даров! Однако результатом их будет усиленная производительность народов, т.е. множество избыточных продуктов труда, каковы: зерно, фрукты, овощи, фабрикаты, жилища, улучшение жизни, увеличение досуга, здоровья, долголетия и т.д. Действительно, силы, не истраченные на взаимную бесплодную борьбу, идут на производство продуктов, вследствие чего и является улучшение жизни и устранение нужды. Разве это не материально, не ощутимо!

Разница только в том, что рабочий, земледелец полезен, пока жив. Его труд смертен и сравнительно не велик по количеству. А гений живет и после смерти: иной 100 лет, иной тысячу, а некоторые из них миллионы лет и даже бесконечность веков.

Напр., водяная мельница изобретена тысячи лет тому назад, а изобретение это, в виде простой мельницы и турбины, живет и сейчас и будет жить еще долго, принося самую ощутительную пользу, которая может быть строго оценена, выражена деньгами, хлебом, овощами или другими необходимыми предметами. В год изобретатель дает столько то, в столетие в 100 раз больше, - а то и в тысячу раз больше, так как распространение и улучшение изобретения - его полезность увеличивает прогрессивно.

А заурядный и почтенный труженник-мастер, земледелец дает единицы, совершенные крохи, в сравнении с громадными горами плодов гения.

К сожалению, благодетельные изобретения пока еще не очень значительны и мало распространены среди низов человечества /особенно среди некультурных стран/. Есть це-

лме многомиллионные народы, которых изобретения и мысли гениев почти не коснулись. Более половины людей еще пребывает во мраке, нищете, бессилии и злодеяниях. Они во власти природы. Природа их подавляет и побеждает.

Но тот же гений указывает, что значение мысли еще впереди, что мысль еще двинет все человечество и поставит его на бессмертную высоту, что благодеяния мысли дойдут до самых низов, даже до животных. И те почувствуют, хотя и без сознания, дары мысли.

Все будет счастливо, все будет довольно. А чему нельзя помочь, то будет погружено в нирвану или в небытие /временно, конечно/.

В этом цель нашей жизни: будем поддерживать гения, искать их, делая и заражаться их величием. Может быть мысль найдет возможным и все человечество так преобразить, что оно все целиком обратится в высшее, гениальное...

... Мы почти верим в это.

ГЕНИИ И СЕМЬЯ.

Как же мы простые смертные относимся к гению, каков он сам в других отношениях, как он относится к себе подобным и каковы его недостатки? Вот о чем мы поведем речь дальше.

Прежде всего гений рождается и живет в семье. Как же его тут принимают, как поддерживают, укрепляют и развивают.

Хотя закон наследственности и существует, хотя он и неопровержим, но есть и другие законы, пренебрегать которыми тоже нельзя. По первому закону только дарови-

тая, необыкновенная семья может дать необычное. И это верно относительно рода, хотя могут быть и исключения /мутации/. Т.е. я хочу сказать, что род, дававший изредка знаменитых людей, продолжает давать их порою, хотя часто иссякает, благодаря неразумным или неудачным бракам. Напр., предок Чарльза Дарвина /Эразм/ и сын его /Джон/ были людьми выдающимися.

Предки и потомки гениев, в большей или меньшей степени, должны быть замечательны. Однако, большей частью, не отмечаются историей и нам неизвестны. Это так. Но есть другой практический закон, который гласит: гений обирает свое потомство. Это значит, что за высшей точкой рода /кульминационный пункт/ следует понижение и иногда весьма сильное. Проще сказать, хотя род даровитых, при благоприятных условиях, и продолжает производить порою необыкновенных людей, но делает это периодически, т.е. за высочайшими в роде следует низкие,

Не надо еще забывать, что гении всего чаще бывают счастливой комбинацией супругов, которые сами по себе не очень высоки и совсем не гениальны. Подобно этому алюминий с магнием дает крепкий дюралюминий, ядовитый хлор и натрий дает необходимую для жизни соль. Мягкое железо и уголь — сталь. Кроме того, гений развивается и под давлением жизненных условий, часто непонятных и как бы отрицательных. Так сиротство, нищета, презрение людей за какой-нибудь физический недостаток и т.д. возбуждают силы, мысль и деятельность. Также подходящие книги и люди.

Отсюда видно, что рождая необычное, семья сама может стоять не высоко, она только таит в своих недрах великое и когда производит его, то возможно, что сама находится на умеренной степени развития и природного дарования.

Так братья Галилейского учителя приходили к нему издалека, чтобы унять его пил: "он вышел из границ", говорили они окружающим, оправдывая свое вмешательство в дела взрослого родственника. Только после смерти отца он, вероятно, мог отдаться всецело своей проповеди. Жена Сократа, Ксантипа, была, кажется, недовольна мужем и, по преданию, обливала его в досаде помоями. Слово "Ксантипа" не даром стало синонимом злой жены. Мамаша Чехова не знала хорошо, чем занимается ее сын и говорила окружающим, что Антоша пишет стихи. Папаша его читал вслух "Запечатленного Ангела" и мешал сыну работать над тем, что появилось.

Жены, семьи, братья, родственники всего менее верят в своего гениального члена и судят о нем обыкновенно по внешним успехам, которые сначала бывают очень сомнительны и даже отрицательны. Но домашние, по крайней мере, снисходительны, любовны, хотя и делают сцены и устраивают жизнь невыносимой для отмеченного роком. Так Лев Толстой бежал от жены. В евангелии упоминается, что даже братья галилейского учителя не верили ему. Они говорили: "если действительно ты делаешь такие дела, то открыто объяви о себе народу... Тебе нечего опасаться: и само правительство примет твою сторону."

Итак, в семье: любовь, заботы, снисхождение, слезы, но полное непонимание; страх за судьбу любимого, обуздание, а иногда невыносимая жизнь. Вот почему гений бежит от семьи, оставляет отца и мать, оставляет родню и близких, чтобы найти друзей по духу, которые и идут с ним на муки, на посмешище, на костер и на казнь. Семья тормозит истинного гения и только в виде исключения он иногда находит сочувствие или поддержку родни. Так же

на и близкие Магомета даже поверили ему. Но это потому, что он сам не стоял черезчур далеко от них и не был перво-классным гением. Жены же часто, по слабости к мужьям, соглашаются и с дурным и хорошим, лишь бы оно шло от возлюбленного. Рассудок тут принимает очень незначительное участие.

ГЕНИИ И ЗЕМЛЯКИ.

Земляки и товарищи гения в отношении понимания относятся к нему, как и родственники, не достает только любви и снисхождения /родственного пристрастия/, да прибавляется зависть и недоброжелательство.

Так Колумб, уверявший земляков, что земля похожа на шар, возбудил такое в них негодование, что должен был спасать свою жизнь бегством в другой город. Мейер был посажен в сумасшедший дом. Над Врутом в Англии смеялись. Были подвергнуты осмеянию и Гальвани и Ламарк. И этим историям нет конца.

Галилейский учитель везде имел успех, пока не попал в родной Назарет. Под влиянием недоверия, он так там обессилел, что не мог проявить ни исцелений внушением, ни блестящей проповеди! Подозрительность земляков, хорошо знавших его с детства и ничего тогда не заметивших, убили все его силы. Любезные граждане, обиженные на его космополитизм, даже схватили было его, чтобы увлечь к обрыву и свергнуть в пропасть. Но он как то вырвался из их рук и избегнул этой несвоевременной казни.

Как им было поверить ему, когда ранее ничего замечательного в его жизни они не видели! Были у него - отец, мать, родня, с которыми шутили его земляки, пили, ели,

праздновали, роднились, гуляли, говорили, обихали и благо-
творили. Знали они мальчика, который делал то же, что их
ребята - играл на улицах с их детьми, ссорился, палил.
Его поколачивали - то сверстники, то товарищи, то родите-
ли, то старшие. Что тут высшего, что тут гениального!
Высшее было, начиналось, но было в зачаточном состоянии.
Его проглядели близорукие товарищи. Они видели в нем
только гордость, стремление выделиться, критиковать, пре-
взойти их и их детей - и потому он только возбуждал их
зависть и негодование. Истинны, произносимые им еще неуве-
ренно и несовершенно, их оскорбляли, так как сами они
блуждали во тьме и самообольщеньи.

Положим, гению пришла в голову великая идея: он за-
думал заставить воду работать - вертеть жернова и молотъ
зерно. Прежде всего эта мысль в семье и между земляками
рождает насмешки и даже осуждение. Семья добрее. Но когда
она видит, что ее молодой и сильный член, вместо работы
на пользу семьи, проводит время в раздумывании, становит-
ся рассеянным, избегает общения, даже забывает пить и
есть, - то начинаются сцены, упреки, негодование, иногда
слезы и сожалеие. Его оплакивают, как помешанного, как
погибшего. Все трудятся, все ищут смертного хлеба и
имеют его в скудости, а один из здоровых членов ест и
пьет, но стал ^{стал} плохим помощником и не вносит уже своей
лепты в благосостояние семьи. Не досадно ли это! Тут воз-
можны и трагедии.

Если гений силен, а семья слаба, то он упорствует.
После мысли, он делает попытки ее воплощения. Устраивает
водяную мельницу. Понятно, что в начале он терпит неуда-
чу. Его мельница даже не может своротить жернов. Все
предпочитают молотъ ручными жерновами даже тогда, когда

получается подобие успеха.

Идеи и первые попытки их осуществления подвергаются осмеянию, и редко при жизни изобретателя осуществляются его мечты. Их осуществляют последующие поколения иногда через десятки, а иногда через сотни и тысячи лет.

Что же получил мыслитель? Посмеяние, голод, нужду, озлобление близких и их несчастье. Гений принес им горе. Тень бедствий пала и на родню.

Всякая машина, если и исполняется изобретателем, сначала бывает негодной, вызывающей скептицизм, насмешки и преследование. Таковы были: жвейная машина, паровая машина, пароход и т.д.

Чем грандиознее идея и ее польза, тем слабее бывает первое исполнение. Причина понятна. Это трудность ее реализации.

Изобретателей считали полуумными и они ничего, кроме бедствий не получали. Только их последователи достигали некоторого практического результата, за которым шел блестящий успех, плоды которого пожинали не бедные мыслители, давно уже сгнившие в могиле, а капиталисты и власть имущие. Потом уже изобретение делалось, общим достоянием и было всем полезно.

Гения озаряет великая мысль. Он передает ее близким, товарищам, ученым и обыкновенно не находит сочувствия. Причина простая. Ученые и так утомлены своей наукой и обязанностями. Даже всякое уже прогремевшее открытие для них горе и досада, так как заставляет их утомляться для усвоения новых идей. Но избежать этого нельзя. Скрепя сердце, приходится работать, так как нельзя отставать от века и не знать то, что уже увлекло большинство.

Но когда какая нибудь ничтожность, маленький челове-

чек делает открытие, то это не только заставляет их без серьезного разбора и рассмотрения отрицать, но и завидовать! И отрицание превращается в преследование и глумление. Они чувствуют личное оскорбление от неизвестного гения, так как открытие сделано не ими и не их классом. Признай они его, им скажут: "а почему же не вы сделали это изобретение? На своем ли вы месте, не забрались ли высоко!" Конечно, и эти упреки несправедливы. Учение, или люди знания делают свое великое бессмертное дело, распространяя науку. Это тоже своего рода гении, гении быстрого усвоения, гении восприимчивости. Нельзя от них требовать больше, чем они могут дать. С одного вола двух шкур не дерут.

С целью поскорей отделаться от маленького человечка бывает иногда недобросовестный разбор. Критик извлекает мелкие ошибки, недосмотры, неполноту и все это выставляет на вид, упуская главное. Приблизительный расчет они выставляют, как неверный. А то случается коварная похвала, которая возбуждает недоверие к изобретателю и доверие к доброте критика. Нет признания истины и самолюбие: сгоряча раскритиковали мысль. Признать ее - значит отказаться от своего авторитета.

Не все, конечно, учение таково. Много молодых, великодушных, которых наука искренно увлекает, которые и сами на пути к новым открытиям и сочувствуют им, откуда бы они не приходили.

Отрицательное отношение окружающих заставляет новатора замыкаться в самом себе. Следующая его гениальная идея уже не высказывается им никому. Он размышляет уединенно. Мир необычных идей в нем растет, усиливается, приводит его во восторг, дает ему жизнь, утешение, радость,

14.48

поддержку в хитейских печалах.

Чем больше проходит времени, чем обширнее воображаемый мир гения, тем больше растет его отчуждение от человечества. Пропасть между последним и мыслителем все возрастает. Гения никто не понимает, он уже не раскрывает рта, чтобы не быть тотчас же смеянным и осужденным. Отчуждение это причиняет ему страдание, он счастлив наедине и печален среди людей. Он напрягает мысль, чтобы снова приблизиться к людям, сойтись с ними. Он предумывает что-нибудь легкое, доступное им, он спускается к их уровню развития.

Но вот он замечает, что в толпе некоторые интересуются его речами более других, задают разумные вопросы. Он обращает на них внимание, увеличивает содержание своих речей и снова находит в толпе сочувствие, хотя и от немногих. Он делает их своими учениками, работает вместе с ними, учит их много наедине и поручает им самостоятельные труды.

Проповедь в толпе выделывает ему новых учеников. Они указывают еще на прозелитов. Гений ищет их и даже находит средства для их отыскания.

Жизнь его становится менее печальной, так как он теперь имеет возможность передавать свои излюбленные идеи и приносить очевидную пользу.

От семьи, земляков и товарищей он почти уходит. Связь черезчур мала и сближение сопровождается ^{катастрофами} в роде избиения и даже покушения на жизнь мыслителя.

Последователи ниже его и потому ближе к жизни и людям. Ученики учеников еще ближе. Так доходит истина, хотя и в ослабленном и смутном свете до людей. Она уже воспринимается как что-то абсолютное, хотя и мало по-

45
15

натное.

Галилейского учителя много раз пытались забросать камнями, которых так много в его стране. Его называли подлуумним, бесовским сыном, помощником дьявола и другом негодяев. Намекали на незаконность его рождения. В конце концов пригвоздили к столбу с перекладиной. Сократа заставили выпить яд. Лавуазье отрубили голову. Джордано Бруно сожгли. Глубокого старца Галилея мучили пытками, нравственно унизили и лишили свободы. Колумба заковали в кандалы.

Слабость, лодерная Галилея склонна почитать и возвышению Умерших. Намеки на поддержку живых гениев. ГЕНИИ И СПЕЦИАЛИСТЫ.

Еще печальнее отношения гения к специалистам. Положим, мыслитель вводит железные дороги. До них были железные, водные пути и другие еще более примитивные. От осуществления идей мыслителя должны пострадать те, кто их поддерживает: владельцы дорог, служащие, хозяева парусных судов, трактирщики, некоторые рабочие и т.д. Общее недовольство задетых за живое людей поддерживается учеными и специалистами, так как отражается и на них. Косность мысли и пошлые идеи окружающих мешают им выискнуть в новые течения и сделать беспристрастную им оценку. Страдают и самолюбие: кто то хочет быть выше их, умнее. Неужели администраторы не знают, что им делать! Если бы железные дороги были нужны, то они и сами ввели бы их. А тут кто то ничтожный, неизвестный заставляет их утруждать мозги и без того замученные. Их как бы *упреждают* укрепляют в не- дальновидности, в упущении. Начинаются ожесточенные нападки на новшества. Рабочие ломают новые машины. Знаменитый Араго доказывал во Франции, что введение железных путей принесет стране одни убытки. Гигиенисты и вра-

*упре-
ждают*

чи указывали на вред быстрого передвижения не только для пассажиров, но и для зрителей, почему считали необходимыми отгородить железные дороги заборами от любопытных взглядов.

Механики и фабриканты находили другие препятствия. Так думали, что колеса локомотива будут скользить по рельсам и не повезут поезд.

Заступников было мало. Одни были равнодушны, потому что не могли ясно видеть пользу изобретения, не представляли себе ясно удешевление проезда и транспорта грузов. Да и думали - когда то оно будет, дойдет ли до них! Другие завидовали. Третьи - непонимали. Большинство совсем ничего не знало про новые идеи.

Задетых изобретением было сравнительно не много, но они отчаянно защищались и страшно тормозили введение проекта.

Профессиональную зависть устранить трудно, но можно было устранить бедствия, причиняемые всяким нововведением. Надо пристранять всех трудящихся, оставшихся без работы, всех служащих, оставшихся за штатом, разорившихся хозяев и т.д. Это легко сделать государству, которое получает, в общем, в сотни раз более выгод от изобретения, чем убытков. Всякий работник полезен и не может остаться без дела, если за это возьмется государство, которому с своей высоты все видно. Для этого, конечно, нужно, чтобы во главе его были мудрецы, люди с особенными свойствами, что возможно только при научном устройстве общества.

Вот теперь существует пишущая машина. Она имеет недостатки, напр., медленность письма. Пусть мыслитель откроет способ писать в 6 раз быстрее, пусть устраним

и другие недостатки машины, напр., сложность и дороговизну. Как же это изобретение встретят люди?

Большинство не поверит, будет мало заинтересовано и останется равнодушным. Переписчики сообразят, что плата понизится, будет меньше работы и многие со своей ловкостью машиниста останутся за штатом. Ремесло их окажется бесполезным и они будут голодать.

Если они и бессильны помешать изобретателю /и то когда нет между ними организации, а то моментально задавят/, то сочувствия ему не выразят, и подгадить некоторые не откажутся.

Фабриканты потратили миллионы на фабрики старых пишущих машин и на патенты. Введение изобретения разорит их или заставит платить деньги за новые патенты и переделывать свои фабрики. Во всяком случае убытков и беспокойства окажется много. Они сильны, богаты, в их зависимости ученые и профессионалы. Благодаря враждебному настроению фабрикантов и их значительному влиянию на специалистов, профессионалы и даже ученые техники могут дать неблагоприятный отзыв об изобретении. Изобретатель, большей частью, сам слаб /богатые редко изобретают/. Кто же его поддержит? Разве добрые, исключительно благородные, высокие, дальновидные люди! Но они сами материально слабы, потому что всю жизнь уже расходовали на хорошее свои силы, власть и богатство. Им уже не доверяют, так как они многократно обманывались и невольно вводили в заблуждение других. Денег у них осталось мало. Притом они сами еще не твердо уверены в изобретателе.

Допустим, однако, что он осуществил свое изобретение с громадными усилиями и жертвами. Но первое осуществление никогда не бывает совершенным и потому ни по-

кровителям, ни сочувствующим, ни тем более врагам, - изобретение не представляется безукоризненным. Последние, враждебно настроенные в силу эгоизма, даже пользуются этим естественным и неизбежным несовершенством первой попытки, чтобы категорически отрицать пользу изобретения.

Есть еще богатые люди, не занимающиеся производством пишущих машин, но желающие еще более разбогатеть. Однако, они знают, что всякое новое дело сомнительно. Кроме того, отзывы противоречивы или даже отрицательны, сами они довольно ограничены или не посвящены в соответствующую специальность. Кроме того, ожидается борьба с конкурентами, или производителями машин старой системы.

Люди эти сыты, во всех смыслах, удовлетворены во всем и потому мало энергичны и боятся оригинальных дел, напряжения ума и борьбы. Поэтому и такие силы мало полезны новому изобретению.

Патенты выдаются с большим трудом, требуют не менее года времени, денег и непрерывной прогрессивной оплаты пошлин. Кроме того, и выдача патентов может быть подвержена давлению и подкупу, если есть заинтересованные сильные люди. Но чем важнее изобретение, тем более заинтересованных и задетых людей, а значит и врагов. Изобретатель же беден и борьба ему не под силу. Без патентов он еще беспомощнее и раздавливается, как козявка. Только несколько лет спустя всплывает то же изобретение, уже патентованное и в сильных руках.

Как будто для человечества все равно - вознагражден ли изобретатель или человек неповинный в изобретении, попросту, - хищник. Но это заблуждение. Во первых, такая судьба отбивает охоту к изобретениям. Во вторых,

гибнет изобретатель, который мог бы сделать новые открытия. В третьих, гибнет его даровитый род, который мог бы принести еще несколько плодотворных мыслителей. В четвертых, совершается возмутительная несправедливость, с которой не может примириться ни один человек, кроме тех, которые ограбили и провалили изобретателя.

Вор редко чувствует свою неправду. Насильник всегда находит себе оправдание или по крайней мере не судит себя очень строго. Но смотря на других таких же, он возмущается.

Как же быть! Такова человеческая природа... Судящие неправильно и осуждающие мысль, напускают на себя вид строгого беспристрастия, даже добродушия. Они уверяют, что отрицают ложную идею для пользы самого изобретателя, не говоря уже про выгоды человечества. Они же всегда были на страхе его выгод. Что делать - лукав человек!

Но сознав ясно гибельность этого лукавства, мы сами можем бороться с собственным лукавством и лицемерием других людей. Последнее гораздо легче.

Но опять таки, прежде всего, нужно совершенное общественное устройство. Только тогда не будет напрасно распятых, повешенных, сожженных, заключенных, изгнанных, обиженных и заморенных нуждой и голодом. Только тогда мы не будем растаптывать и убивать своих собственных благодетелей. Только тогда будем узнавать и поддерживать их на тяжелом пути.

Обыкновенно капиталисты поручают суждение об изобретении специалистам или ученым. Они сильны в науках и технике, они сдали соответствующие испытания и доказали свою авторитетность *своими научными трудами и даже открытиями.*

Но те же специалисты никогда не сдают экзамена в добросовестности, в беспристрастии, в бескорыстии, в высшем благородстве образа мыслей.

Сдавать такие экзамены пока не принято. Напротив, эти выдвинувшиеся люди должны отличаться особенными честолюбием, завистливостью, корыстолюбием и другими нравственными недостатками. Эти страсти играли не малую роль в их карьере. Таким людям как раз и нельзя поручать суда...

Привожу тут еще исторические факты в доказательство того, что человечество в лице даже высших своих членов не узнавало и не ценило своих мыслителей, изобретателей, реформаторов и других благодетелей, которыми двигался прогресс и благодаря которым человек удалялся от состояния животного и приближался к небу.

Все знают, что великий Галилейский учитель был унижен, оплеван, бит и повешен духовенством своего народа: лучшими, отборнейшими и почтеннейшими людьми. Только упрекали его темным происхождением и говорили, что он одержим бесами. Его Земляки-Назаряне пытались столкнуть его со скалы в пропасть.

Также Л. Толстой был отлучен от церкви синодом и только политические соображения спасли его от каменного вешка.

Первые изобретатели паровых машин были отвергнуты, не поддержаны и между ними забыт один русский рабочий Ползунов, построивший действительную паровую машину раньше Уатта.

Изобретателя швейной машины, выражаясь иносказательно, стучали по лбу.

Мейера, основателя механической теории теплоты,

недавно осмелили учение. Расстроенный, огорченный, он по-
кушался на самоубийство и был посажен в сумасшедший дом.

Колумб возбуждал веселый хохот среди передовых лю-
дей своего времени, был в цепях и даже открытая им Аме-
рика была названа не его именем.

Великий Лавуазье был казнен революционными партиями,
как взятчик. Между тем, как он и честь своей похертво-
вал ради науки, требовавшей опытов и расходов. Говорили
о том робко его судьям. Но они отвечали, что республике
химии не нужны.

Конструктор холодильных машин, Казимир Телье, на
днях умер в Париже в нищете. Благодаря ему, бедняки в
Европе /особенно в Англии/ едят дешевое мясо, сохранен-
ное холодом и привезенное из Австралии и Южной Америки.

Галилей был приговорен к сожжению, но по старости
и смирению освобожден от казни и только лишен свободы и
умер в неволе.

Гус был сожжен духовным судом, также как и Джорда-
но Бруно, указавший на существование в небесах множества
миров, кроме Земли.

Когда Наполеону первому указали на паром, он от-
казал изобретателю в поддержке и назвал паровое судно
игрушкой.

Железные дороги отрицал академик Араго. Стрицали
их также техники и медики, как вредное для здоровья но-
вовведение, неосуществимое и убыточное.

Паллиси, изобретатель фанса, схог крышу своего
дома, чтобы закончить опыты. Но никто не догадался дать
ему яров.

Академии Наук отрицали падение болидов и возмож-
ность аэропланов и дирижаблей. В России специалисты до

52
22

самого последнего времени придерживались мнения академий относительно управляемости воздушных кораблей.

Пифагорейская школа была осмеяна за то, что считала Землю движущейся пылинкой во вселенной. Этого не могли переварить даже такие гении, как Платон, Архимед и Птоломей. Последний открыто об"явил мысль о движении Земли вздором и глупой болтовней.

Анаксагор за естественное об"яснение лунного затмения влиянием Земли приговорен был /вместе с семьей/ наградным судом к смертной казни. Только красноречие Перикла заставило заменить смертную казнь изгнанием.

Кеплер сидел в тюрьме, тетя его была сожжена, мать отпустили, но она умерла с горя после тюрьмы.

Коперник дождался издания своего сочинения только на смертном одре.

Сократа заставили выпить яд за отрицание мифологии, т.е. за непокорность суевериям.

Недавно французский академик Буйло звуки фонографа об"яснял чрево вещанием. Чтобы доказать это, он схватил за горло демонстратора.

Академик Боме отстаивал учение о четырех стихиях /все-де составлено из земли, воды, воздуха и огня/.

Гипотезу о химических элементах Лавуазье об"явил бессмыслицей. Он же отрицал падение небесных камней.

Гассенди и его учение современники не признавали солнечных пятен.

Гальвани подвергался осмеянию глупых и умных. Его называли лягушечьим танцмейстером, так как он производил опыты с лягушками.

Медицинский факультет Сорбонны глумился над Гервеем, открывшим кровообращение. ^а

2353

Тьер и Прудон были против железных дорог.

Дебон открыл газовое освещение, но так и умер, не дождавшись его применения. Ему доказывали, что огонь не может существовать без фитиля.

Профессор Бабине считал невозможным проведение телеграфного кабеля через океан.

Она немецкие ученые называли дураком.

Английское Королевское Общество отвергло опыты Джукля.

Также Ч. Дарвин был забаллотирован Французской Академией Наук.

Карель был в пренебрежении у Франции, т.е. в своем отечестве.

Огюст Конт, этот идеал позитивистов, считал совершенно невозможным узнать химический состав небесных тел. Он же учение о неподвижных звездах находил излишним.

Лев Толстой также считал биологию и астрономию лженауками.

Лондонское Королевское Общество находило немислимым обнародовать в печати Франклиновский громоотвод.

Астрономы 17-го века не могли даже допустить мысли о существовании седьмой планеты. По их мнению больше шести их не может быть.

Гельвеций опасался применять телескоп к изучению астрономии.

Биша, подобно этому, отрицал пользу микроскопа для биологии.

Изобретателей множества драгоценных орудий и машин мы не знаем даже по имени. Кто изобрел ножницы, компас, иглоу, мельницу и т.п.! Вознаграждены ли эти благодетели человечества или замучены!

Примеры эти бесчисленны.

Длинными рядами проводит перед нашими глазами история этих осмеянных, забытых, обезглавленных и сожженных светочей мира, один волосок которых стоит более миллиона средних людей.

Из предыдущего также видим, что даже отношения ученых, мыслителей и гениев к своим непрославленным еще собратьям нередко ошибочны, несправедливы, безжалостны и жестоки.

Чего же ждать от средних людей, не умеющих отличить правой руки от левой, пребывающих в святой /но преступной/ простоте. Если знаменитый, талантливый и ученый Л. Толстой отрицал величайшие науки, то чего же ожидать от средних людей! Они способны сжигать и истреблять своих благодетелей и спасителей, совершенно того не сознавая. Нам это показали холерные бунты, ~~народные восстания, рабочие волнения~~ фабричные погромы, избиения евреев и т.д.

Что же делать? Каким образом не топтать жемчуг, не сжигать святыню, не уничтожать корней растений, на которых растут питающие нас плоды? Как не уподобиться свинье, подрывающей корни дуба, желудком которого она питается, и петуху, не признающему жемчуга и драгоценных камней?

Спасение—в особенном народном устройстве, основа которого все же сам народ... Но это уже из другой оперы и потому будем продолжать далее нашу тему о гениях.

Если гении в своих суждениях о собратьях ошибаются, то это отчасти потому, что они все же остаются людьми со всеми нравственными недостатками: завистью, ревностью, эгоизмами всякого рода /личным, половым, семейным, род-

2555

ственным и т.д./.

Гении большей частью развиваются односторонне, даже в ущерб другим своим свойствам. Их нравственные недостатки нередко бывают гораздо сильнее, чем у средних людей.

Кроме того, гений, достигший успеха, окрепший, начинает портиться понемногу и становится хуже, чем был. Сделавшись богатым и сильным, он перестает понимать бедных и слабых. Он забывает мало-по-малу то, что сам пережил и что очень могло бы его нравственную философию возвысить, если бы не забывчивость, не способность быстрой порчи.

Он скоро начинает корчить аристократа мысли и породы, всезнайку, непогрешимого, не понимает страдания, унижения, голода, беспомощности, так как сам от всего этого избавился.

Приведем еще исторические примеры из жизни знаменитых людей в подтверждение наших мыслей о нетерпимости кастовых ученых и людей уже пробившихся к ним и стоящих на высоте силы и благосостояния.

Нет большого заблуждения, как думать, что гении и мыслители, двигающие науку и прогресс, выходят из дипломированных ученых и специалистов своего дела. Великие выдвигаются большей частью из всего человечества, из всевозможных его слоев, не имея при себе дипломов, свидетельствующих о принадлежности их к ученой корпорации.

Так, всеобъемлющий гений, Леонардо-де-Винчи, был художником. Астроном Вильям Гершель - музыкантом. Физик Франклин - трипичником, типографом, вообще грубым тружеником. Кулибин - механиком-самоучкой, как и астроном Семенов. Ботаник Мендель - монахом. Астроном Коперник -

2156

каноником, т.е. псаломщиком, дьячком. Натуралист Ламарк - военным. Чарльз Дарвин - фермером /или помещиком/. Лавуазье - откупщиком. Ньютон - чиновником, смотрителем монетного двора. Пристлей - богословом. Физиолог Найдт - садовником. Фрауэнгофер - стекольным фабрикантом. Ботаник Шпренгель - школьным учителем. Физиолог Буссенго - горным служащим. Уатт - слесарем. Фабр - учителем. Физиолог Пастер - химиком. Агроном Тезе - врачом, как Мейер и Гальвани. Эдиссон из самоучек, как и Фарадей /сын кузнеца/. *Пастер - землевладелец, Менделеев - педагог*

Эти и подобные им люди дали науке и человечеству безмерно больше, чем все официальные ученые вместе.

Но как же к ним отнеслись, что они должны были претерпеть, прежде чем заслужить внимание! Многие из этих счастливчиков добились некоторого признания еще при жизни /так Фабру поставлен памятник до его смерти/. Но сколько при этом великих было растоптано, обижено, ограблено, уничтожено в самом корне, сколько имен и благодетельных идей на веки погибло!

На гробнице Ламарка его дочь сделала надпись: "ты будешь отомщен"! Как много говорят эти слова!

Профессора знаменитого Ньютона заставили сбегать в чиновники. То же случилось и с нашим Менделеевым: он ушел из университета еще в силах. Кювье преследовал Ламарка и провозгласил его со своими собратьями академиками идиотом. Великая рукопись Ньютона ~~до сих пор~~ валялась без внимания и была напечатана много лет спустя после ее написания. Эдиссон долго скитался в бедности, не находя приложения скрытым в нем силам. То же было и со знаменитым Вербанком.

24 57

Все это продолжает совершаться и теперь, в особенности в таких некультурных странах, как старая Россия.

Великие дела творили не присяжные ученые, а люди, в общепринятом смысле, маленькие. Таковы, напр., артиллерист Энгельгард и великий Либих, не кончивший среднюю школу и попавший в профессора только благодаря протекции и связи Гумбольда.

Итак, чтобы быть судьей человека выдающегося, недостаточно быть самому изобретателем или мыслителем. И тот и другой могут не только не понять чуждый им мир или чуждую идею, но могут быть просто несправедливы, пристрастны в силу общей человеческой слабости и слабости профессионалов, в особенности /ревность, зависть/.

Простые средние люди часто бывают справедливы и добры, но им недостает знания, гениальности и всеобъемлющего дарования.

Судить людей, в особенности высших, могут только избранные, соединяющие в себе чистое, беспристрастное сердце с обширным разумом, талантами ^{свободного} и многосторонними знаниями.

Где взять таких людей и кто их узнает и призовет к власти и суду! Это особая наука, еще необнародованная и известная немногим, корень которой лежит в устройстве человечества, которое и будет все привлечено к отысканию среди себя гениев и к оценке всех вообще людей. /См. мою работу: "ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА". 1928 г.)

Свободное

СЛАБОСТИ ГЕНИЕВ.

Таланты и гении большей частью бывают односторонни; одни их способности развиваются насчет умаления других. В жизни они иногда слабее и ограниченнее всех. Пушкин, этот глубокий психолог, говорит про талант: "... и всех детей ничтожных мира быть может всех ничтожней он". Для слуги великого человека его господин незаметен, даже презретен, так как он видит только его слабости.

"Только великие люди обладают великими недостатками", говорит Ларошфуко! Жорж-Занд выражалась в таком духе: "вот где сидят у меня эти великие люди! Хорошо читать их жизнеописания, приятно посмотреть на них, отлитых из бронзы или высеченных из мрамора, но плохо иметь с ними дело. Они эгоисты, взбаломисты, деспотичны, желчны, подозрительны".

Шопенгауэр говорил: "гении не только невыносимы в жизни, но безразличны и жестоки. Трудно этим людям иметь друзей. На высотах мысли царит одиночество". Прибавим, что сам Шопенгауэр избил одну старуху и должен был по суду платить ей всю жизнь пенсию.

Мы думаем, что найдется 50% великих людей с противоположными свойствами. Но будем продолжать о недостатках. Если они и есть у некоторых, то вполне извинительны, так как заглаживаются высокими свойствами ума и страстным стремлением осуществить свои высокие замыслы.

Многочисленные биографии знаменитостей подтверждают эти мнения о них самих.

Кроме обиденных недостатков, свойственных всем людям, гении, в силу своего сосредоточения и своего таланта, имеют еще особые специальные недостатки. Они рассеяны. Увлеченные своей идеей, они пренебрегают прили-

26 59

чинами, близкими и жертвуют всем, лишь бы восторжествовала их мысль. Их часто не останавливает преступление, гибель множества, когда дело идет об исполнении их любимой идеи. Они отравительные мужья. Лаплас был позорно скуп /Араго/. Другие расточительны. Иные холодны сердцем, а иные слишком женолюбивы и легкомысленны. Так Салюстий, Сафо и Аристип были распущены до разврата. Карлейль и Некрасов истязали жен. Мюссе и Л. Толстой были ревнивцами. Доницети мучил всю семью. Руссо бросал своих детей в воспитательные дома. Аристотель был низко ластив, хотя бы к Александру. Микель Анджело - труслив. Гейне и Лармонтов были невыносимы своими насмешками и сварливостью. Бекон продавал правду, а Лавуазье брал взятки. Парацельс был до смешного хвастлив. Он говорил, что в его колпаке и бороде больше учености, чем во всех академиях. Что он настолько восторжествует, что Аристотеля назовут Аристотелишкой. Он же не считал американских туземцев за людей, так как они же произошли не от Адама, а потому не имеют души.

Даровитые люди не свободны от самых грубых суеверий. Они склонны к употреблению возбуждающих веществ: спирта, *гам-ши*, морфия и нередко преждевременно губят себя и свой талант. Таковы Эдгор По, Помяловский, Николай Успенский и множество других.

В то же время гении умиляют нас бескорыстием, сосредоточенностью и преданностью своей идее. Бода Де Мулен умирал с голоду и все же тратился на книги. Ньютон совсем не знал женщин. Гении до того сосредоточиваются, что не сознают окружающего мира и слывут сумасшедшими или больными. Когда Ньютон писал свои "Принципы", то он, поглощенный своими мыслями, забывал одеваться и есть.

Однажды он пообедал, но не заметил этого. И когда пошел по ошибке обедать в другой раз, то очень удивился, что кто то съел его кушанья. Лейбниц целыми месяцами был как бы прикован к письменному столу. Миль ходил по улице, как автомат. Кюри в таком состоянии был раздавлен на смерть ломовым. То же было с Костомаровым, но его раздавили не до смерти. Дидро забывал дни, месяцы, годы и имена близких людей. Гегель, Гете, Сократ, Архимед не замечали смертельной опасности во время своей работы. Ампер, уходя из своей квартиры, написал мелом у себя на дверях: "Ампер будет дома только вечером". Но он случайно возвращается домой еще днем. Читает надпись на своих дверях и уходит обратно, так как забыл, что он сам и есть Ампер. Он же сморкался в тряпку, которой стирал мел во время лекций, и измазанный мелом возбуждал веселость студентов. Другие писали на карете вычисления и гонялись за ней, когда она уходила. Сажались на тумбу вместо экипажа. Архимед в бане, полоскался, наведен был на открытие своего гидростатического закона. Забыв, что раздет, он выскакивает голый на улицу и, радуясь, кричит неистово: ^{теперь} "понял, понял"!

По окончании труда, гений приходит в себя, и тогда походит на людей; но вообще, он ниже среднего уровня. Это и понятно, так как развитие одних способностей, большей частью, хоть немного, отражается отрицательно на других. Большое заблуждение говорить про необыкновенных людей; если он гений, то он и во всем выше других людей.

Мозг талантов, как напр., у Гамбеты, часто меньше средней величины. Если у Кювье, Гельмгольца и других мозг весил больше среднего, то это объясняется склонностью их с самого детства к воднянке головного мозга.

Много людей можно найти с большими мозгами, но великих людей в миллионы раз меньше, да и у тех головы чаще среднего размера. Это и понятно, так как гениальность есть не столько количество, сколько КАЧЕСТВО. Все же у людей интеллигентных профессий объем головного мозга больше среднего. Но, во первых, они не гении, а во вторых, общее высшее образование теперь требует, благодаря экзаменам, выдающейся памяти, которая невозможна без обширного головного мозга.

Гении развиваются рано, но они не выделяются официально своими успехами в школе. Освальд, в своем исследовании, говорит о гениях, что это плохие ученики. Так Либих лишь по протекции Гумбольда попал в профессора. Также и наш Гоголь получил кафедру. Гоголь был аттестован в поветовой школе, в которой некоторое время учился, как тупица и малопай. Пушкин очень слабо успевал в Лицее и плакал на уроках арифметики. Л. Толстой на экзаменах в университете наполучал единиц. Чехов два раза в гимназии оставался на второй год.

Горе было бы старинным талантам, если бы они жили в наше время. Многие бы из них не прошли жизненного и школьного искуса. /Что, конечно, не говорит о его совершенстве/. Впрочем это было и всегда, только в большей или меньшей степени, т.е. жизнь выбрасывала и умерщвляла таланты.

Разумеется, есть гении нравственности /Будда, Иисус, Конфуций, святые/. Они судили бы справедливо. Но, к сожалению, они односторонни, как и другие гении, т.е. они едва ли бы могли дать верную оценку всех родов идей.

Возможны и такие гении, которые всего имеют по немножку, но достаточно. Они более других редки и драго-

ценны. Им то и должен быть отдан суд. Они сумели бы для этого пользоваться познаниями других столь же добросовестных специалистов.

СУДЬБА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ.

Представим себе общую картину жизни гения, - ну хоть изобретателя.

Есть разного рода изобретения. Одни легко осуществляются средствами самого бедного изобретателя, каковы разные усовершенствованные булавки, пряжки, иголки, запонки, пуговицы, простые инструменты и предметы домашнего обихода. Такой изобретатель находится в лучших условиях. Но и в этом случае тормозом служат расходы на патенты и незнакомство изобретателей с юридическими законами. Многие думают /даже юристы тут часто несведущи/, что стоит только доказать несомненность изобретения его автором и дело в шляпе - патенты обеспечены. Но оказывается, что о своем открытии надо абсолютно молчать до тех пор, пока не получено от патентного учреждения заявочного свидетельства. Результатом незнания этого закона бывает нередко похищение изобретения и патентование его людьми, хотя и не изобретательными, но лукавыми, честолюбивыми или хитрыми.

Если патенты и получены изобретателем, то его истощат прогрессивные налоги, прежде чем изобретение будет приносить выгоды. Неуплата же пошлин отнимает у изобретателя права, и изобретение его делается достоянием и дойной короной фабрикантов.

Издаются всюду патентные журналы, в которых подробно описываются и иллюстрируются все изобретения. Большинство их уже не принадлежит их авторам. Отсюда извлекается же-

дающим безошлинно все, что понравится. Это хорошо, но только отчасти, так как мысль не поощряется. Этим мы бесконечно больше теряем, чем приобретаем. Гений губится нашей нерасчетливой жадностью при самом его зарождении. Он приносит человечеству триллионы, а оно скупится ему дать тысячи. Что может быть безумнее этого! Сколько изобретателей разочарованных, озлобленных или недостаточно нравственных, благодаря неразумному отношению человечества, скрывают свои изобретения и великие идеи, которые могли бы преобразить мир в лучшее.

Если изобретатель сойдется с порядочным человеком, то последний покупает у него изобретение, а сам берет патент и эксплуатирует его. Иногда даже делится выгодами с изобретателем.

Но трудно предвидеть значение и успех даже самого мелкого изобретения. Поэтому и совестливый покупатель отделяется обыкновенно ничтожной суммой.

Другие изобретения, более сложные, менее очевидные, требуют капиталов и талантов для своего увенчания. Тут покупатель или меценат еще более осторогаются. Сами они не могут оценить изобретение. Обращаются к специалистам. Те большей частью дают небрежный отзыв, видят трудности и не берут на себя ответственности из боязни потерять авторитет.

Чем сложнее, новее, гениальнее изобретение, тем осуществление его требует больше жертв, времени и искусства. Чем несчастнее изобретатель, потому что тем более успех дела зависит от участия к нему многих. Патенты здесь почти бесполезны, потому что законный срок на осуществление трудного изобретения чересчур мал и изобретение пропадает для изобретателя, не смотря на полученные из всех

34⁶⁴

стран привилегии.

Без патентов же всегда найдутся охотники попользоваться чужим. Молчать опять невозможно: никто не будет знать и не от кого будет получить помощь.

Бывает много ложных изобретателей или открывателей Америки, которые часто имеют поддержку, но провалив меценатов и специалистов, способствуют распространению убеждения о рискованности мира изобретателей. Пойдите ка, отличите истинных пророков от вздорных!

Так как на тысячу попыток к высшему только одна чегонибудь стоит, то составляет общее представление об изобретателях, как о ненормальных, сумасшедших, бездарных и ограниченных людях. Их бегут, как чумы, стыдятся их. Поддерживать и помогать им считают таким же невежеством, как покровительствовать знахарям, блаженным, странникам и тунеядцам.

Мыслителей, начинающих писателей и талантов ожидает та же судьба. Уж очень много между ними посредственностей, людей зачаточных. А разобрать кто из них чего заслуживает, кого ждет блестящая фортуна, хоть убей, не отгадает ни один специалист, ни один мыслитель. Только одно истинно прекрасное общественное устройство может решить эти задачи. Но его нет и его надо вводить.

Множество попыток к изобретениям и высшим целям в сущности отчаяно. Оно доказывает, что общество когданибудь сумеет ими воспользоваться и достигнуть небывалой высоты и благосостояния.

Мир отчаянно несовершенен. Никуда негодны в нем языки /точнее - средства устного общения людей/, алфавиты, счисление, календарь. Невозможны нравственность, законы, религии, общественное устройство. Несовершенны до-

роги, фабрики, эксплуатация сил природы. Не годна обработка земли, культура растений. Странны отношения людей друг к другу и к животным.

Ничего не предпринимают люди к улучшению своих пород /т.е. самих себя, своей природы/ и к усиленному размножению. Земной шар представляет в сущности мало населенную пустыню и полное господство природы над человеком и т.д., и т.д.

Какется имеется обширное поле для изобретателей, мыслителей и исполнителей! Но где они? Стремясь освободиться от своих уз, от общего невежественного, тупоумного, животного давления, окружающего стада, - они не могут даже поднять головы, чтобы не получить страшного удара. Их снова пригибают к земле. Они распластаны на ней беспомощно и жалко.

Уж лучше нам, средним людям, без строгого разбора /или очень снисходительно/ помогать всем стремящимся ввысь. Я не говорю, чтобы безрассудно рисковать общественным достоянием, но будет довольно для большинства изобретателей и мыслителей, если не давать им умирать с голоду и холоду, если дать им досуг, передышку от китайских забот и предоставить книги, орудия и мастерские для попыток осуществления их идей, нередко уродливых, вздорных, ненаучных, нерасчитанных, неновых и недостаточно обдуманных.

Притом склонность к мышлению, к изобретению, к новшеству сто раз может быть бесплодной, а в 101-й раз принести изумительные плоды.

Если бы четвертая часть человеческих работников была поглощена новыми мыслями и изобретениями и сидела бы на шее остальных, то человечество все же чрезмерно бы

26⁶⁶

выиграло, благодаря непрерывному потоку изобретений и интеллектуальных трудов, исходящих из этой оравы, стремящихся в высь.

Иные бы ничего не дали, другие дали бы чтонибудь через 10-20 лет, а некоторые, очень немногие, принесли бы скорые, многократные и великие плоды.

Тот, кто приносил их хоть раз, хоть малость, мог выделяться и обставляться лучше /судя по заслугам/. Неудачники могли исключаться на год или больше, чтобы работать по-просту, т.е. как работают средние люди. Таким образом число тунеядцев можно уже через год сократить в сотни, тысячи раз.

По моему, не надо жалеть на работу мысли и половины всех человеческих сил.

СУДЬБА.

Есть ли высшие силы, есть ли первопричина всех вещей и явлений? Конечно, последняя не может не быть и она то распоряжается судьбами мира и в частности - земного человечества. *В сущности это самая всемогущая.*

Как же относится она к нему? Как относится к своим избранным, отмеченным печатью гения?

Странно, но это отношение кажется с первого раза, как будто безучастно, даже жестоко. Что человечество несчастно, несовершенно, что оно страдает и безумствует - очевидно. Но это можно объяснить младенческим его возрастом, первоначальной стадией развития. Пройдет она и тогда наступит совершенство, блаженство и бессмертие, как у большинства бесчисленных миров вселенной.

Но как объяснить, как оправдать равнодушие фатума /судьбы/ к своим избранным, любимцам, гениям?!

Мы уже перечисляли или, по крайней мере, привели достаточно примеров жестокой судьбы гениев. Средние люди целы, спокойны, обеспечены и насколько возможно счастливы.

Но как может быть так сурова первопричина к гениям? Одного она убивает в расцвете сил и плодотворной деятельности, другому болезнь или старость не дает закончить работы, третьего уничтожает простой случай. Зачем убиты на глупых дуэлях Пушкин и Лермонтов? Зачем в таких же цветущих годах распят Галилейский учитель? Зачем раздавлен ломовым извозчиком Кюри, а Мослей убит мальном пулей? Чем оправдать, чем объяснить гибель множества гениев?

Отчасти эти явления есть результат несовершенства человеческой толпы, человеческих обычаев, учреждений и законов. Вопиющий факт казни гения, праведника, благодетеля людей - производит на них глубокое, продолжительное, многовековое впечатление и предостерегает их от ошибок. Гибель немногих невинных спасает множество других таких же или хоть монике рангом.

С одной стороны вопиющие преступления толпы лежат на ее ответственности, с другой - распоряжается все же не она, а фатум - первопричина. Если последняя и не вступает непонятным /или чудесным/ образом в несправедливое и безумное дело, то на это есть основание: дать урок человечеству. Гибель одного спасает множество. Она поражает людское сердца жалостью и раскаянием и возбуждает преклонение перед высшей нравственностью погибших.

Есть и другой повод допускать гибель великих в расцвете их сил. Гений уже сделал много, достиг апогея своего развития. За ним должен наступить практический

успех, торжество избранного. Он получает власть. Власть портит несовершенную природу человека, развращает его очень скоро. Наш сохранившийся гений идет обратным ходом. В нем разочаровываются окружающие. Он уже не может служить вечным образчиком истины и величия. При сохранении гениев ^{не} было бы живых идеалов.

Но идем дальше. Забрав силу, ^{и испортившись} гений долго может ее удерживать. Невыпускают ее и его наследники. В результате много зла. Оно может во много раз превзойти сделанное ранее добро.

В том то и штука, что несчастья возвышают человека /если, конечно, они в меру, по силе избранного/, а счастье, успех, удовлетворение страстей - развращают, обезличивают и расслабляют. Такова пока жадная природа человека, даже отмеченного дарованиями. И гений не может еще отрешиться от своей животной породы, от наших страстей.

Все же неожиданная гибель многих даровитых людей не совсем понятна. Может быть неизвестная будущая судьба, которая ожидала погибших, объяснила бы нам их преждевременную смерть, как благой поступок первопричины (Космоса).

Жожа ванр
мнмшрм
пмшрм
с Нмчмш
с.м.с.

Przem 1878. 8 klasa
Bogusław

Boysen

 $\frac{1}{2} = \frac{1}{2}$

1

1

22

1862/901.
94
1867

предис.

2

Свойства
Гений.
Мислене
его.

Гений среди Младост.

24
40

(Гений и родня, гений и Зем-
ляки, г. и народ, гений и
правительство, г. и специа-
листы, г. и ученые, гений
и высшие силы; Недостатки
гения, пороки гения).

Гений придумал: паровоз, котел,
лопату, плуг, борода, насос,
лодку, машинку, лук и стрелу,
удочку, секи, вездеход, дом,
забор. Он придумал: телеграф,
науку, морей, замедление.
Гений изобрел: машины, которые
облегчают труд человека в де-
лу, технике и промышленности.
раз и делают продукты совер-
шеннее. Неизменная
машина ^{улучшает} ускоряет
и уменьшает труд в домашнем
раз. Скажем: морей, охоты,
бегства от слепоты, от чужих,
скажем: морей, охоты и охоты,
скажем: сокращения времени
для других работ. Такими
же изобретениями, машинами и
инструментами. Изобре-
тение книгопечатания
сделало книги в России со-
вершенно раз дешевле (серия
слова с г.и, когда они писались).

1

205 Гений охраняющего телеса, сущи
 и разные металлы. Он пока-
 зал возможность того, что
 притяже касалось совсем
 невозможности. Метало
 некими добываю^тся из
 сел и палео-вилье
 Там, коварие падает с неба
 в виде шариков. Гений
 охраняющий драгоценные свойства
 веществ, свойства пара,
 твердости и твердых тел.
 Он сократил в сотни раз
 расстояние. Он засну-
 сь природу работаю
 вместо телесных и возну
 чалась, грузы и самых
 телесных по земле, воде
 и воздуху. Скорость этого
 движения теперь превышав
 400 верст в час или 2400
 верст в сутки. Она превос-
 ходит скорость огня в возду-
 хе, скорость рыб в воде
 и скорость самых быстрых
 телесных на земле.
 Гений научил людей разго-
 варивать на расстоянии
 тысяч верст и передавать

Могши из одной тисны снѣжа
 в другую со скоростью лави-
 ны. Онъ засучивъ рука-
 вѣ, туго и туго, мертвые
 тѣло, неподвижную, мертвую
 усрали аврамачи, пододвигъ
 пѣвуче, привучилъ счаст-
 ливые мѣтѣны, которые
 рабажачу в сѣнѣхъ рѣзъ дыре
 самого лѣсного сѣнѣхъ.
 Гений превращалъ самого
 себя! Гений даруя жѣно
 бабѣны, спасаю умираю-
 щихъ, исключенныхъ, заме-
 нѣнъ взорванныхъ руки
 и ноги, возвращающъ зало-
 м зрение, даю аму, воз-
 станавляющъ разрушенны
 органы, научающъ бѣло
 здоровымъ и жѣно даю.
 Коври оу мѣрухъ онъ пере-
 вѣнъ жѣно и зѣно
 отивающъ и амухъ жѣно
 испаренныхъ бабѣно.
 Гений придумалъ наследу
 для вѣнода жѣно безъ гнѣно
 темнокривыхъ. Онъ побѣдѣ
 несидѣнныя сѣноночные ба-
 рѣи, прѣноночные ба-

зорку, камеру, трубу, сифон, биннокль
 и апогископ дружок.
 Он увидает то, что прежде
 никто не видел. Микроскоп
 показал ему страсти
 живущих тлеющих, тих
 основ органической мате-
 рии, страсти живых
 существ, ограничил мир
 безгранично малых жи-
 вотных и расцвел. Великий
 измерил Завиты, нули, сантиметры
 и небесные думы. С помо-
 щью телескопа он прибли-
 зил к себе небо в 70 тысяч
 раз. Таким образом, он
 показал людям то, что
 прежде никто не видел.
 На луке и планетах ока-
 зались горы, подобные
 земным. Люди увидели
 в 100000 раз ближе звезды,
 чем видели раньше.
 Каждая звезда оказа-
 лась удавленными огнем
 солнцем, более мощ-
 ными, чем то, ко-
 торое отливает землю.

Всему сущему — единство
Земли и Неба.

Мир оказался безпримесным. Обнаружилось существование единства со многими бытиями манею, надобных Земе. Оказался один и тот же сущ, одно и то же существо, одни и те же силы природы и одни и те же бытия. ~~Ничего~~
Полно о существующем разнотном существе ничто наверняка неизвестно, но у каждого свои и видны из своих чувствительных оков в безграничном пространстве. ~~Фигуры~~ ^{написаны, что} ~~ограничен~~ ^{ограничен} ~~пространство~~ ^{пространство} ~~сущест~~ ^{сущест} ~~досуг~~ ^{досуг} ~~свершения~~ ^{свершения} ~~не~~ ^{не} ~~посредства~~ ^{посредства} ~~для~~ ^{для} ~~ограниченного~~ ^{ограниченного} ~~качества~~ ^{качества} ~~находящегося~~ ^{находящегося} ~~еще~~ ^{еще} ~~в~~ ^в ~~материальном~~ ^{материальном} ~~образе~~ ^{образе} ~~своего~~ ^{своего} ~~бытия~~ ^{бытия}.

Всему сущему — единство
Земли и Неба.

Сенный камень ^{существование} ~~бытия~~ ^{бытия} ~~одно-показание~~ ^{совершенное} ~~и устранение~~ ^{и устранение} ~~для~~ ^{для} ~~раширо~~ ^{раширо} ~~в~~ ^в ~~материальном~~ ^{материальном} ~~бытии~~ ^{бытии}.

2

406 Сказана благодарная
 гениев распротрава была
 среди знающих, богачей
 и ученых, но парам они
 дались, достоянием всех
 людей. Кто ж не нис-
 зусря таковыми дорожа-
 ми, пародами, механиче-
 скими двигателями, фабри-
 ками, заводами, судами, погу-
 даи, инструментами, ^{буквами} ~~политикой~~
 одеждой и обувью, прирав-
 ленными украшенным спо-
 собам по указанию гениев!
 Кто не читает книг, не воспри-
 нимает великие идеи, не
 наслаждается ^{и не пользуется} ~~искусством~~
 произведений гениев!
 Не было бы гениев, не было бы
 и движения человеческого
 вперед по пути истины и
 прогрессу, совершенства, счастья,
 бессмертия и совершенства
 жизни. И это еще не все,
 что будет дальше, что они
 дадут человечеству — кто не
 ищет себе предсудить са-
 мое темное ваврожение.

Есть разница между трудом
средних людей и творчеством
гения. Последнее пережи-
вает своих творцов и нередко
живет безмерно. Разве
не безмерно изображение
Дюренберга?! Со временем
со временем его смерти, но
разве перестанут когда-ни-
будь пачевовавшие кинопе-
карами в том или другом
образе и благословлять его
изобретения? Разве перестанут
когда-нибудь расходиться
научные труды и труды высших
людей, расширяющая свет
знания, искусства и радости?

Всякий, кто будет пачево-
вать, творить машинной,
механической и т. д. даже трудом
свободным, сам бы даже
принимая участие, не
перестанет чувствовать
изобретателя и благодарить
его за труд.

Благодаря искренному

гений вечны, они никогда
не исчезают, а светятся не-
прерывным пожаром, как
из рога изобилия. В эпохи
бурни они материальны,
они создают чистое,
здоровое, драгоценное кам-
ни, шелк, одежду, всякие
удобства и т.д.

Как бы не казались дары
гения духовны, они всегда
сводятся к материальным.
Почти все гений науки
людей сдерживает свои
дурные страсти, ищет
драги, руды, содер-
жания, вайт. На что
духовнее этих даров! Од-
нако разумею их буду
благословлять производящего
народов, т.е. искусство
предупреждающего труда, как вы-
верно, фрунзе, иванов фел-
рихизов, тиница и т.п. и т.д.

Разве это не материаль-
но, не материально? Духовно
только в том смысле, что
они не исчезают, а светятся не-
прерывным пожаром, как
из рога изобилия.

606 К сотрапелению, благоде-
 яния и изобретений пока +
 еще не очень значительны
 и мало распространены
 среди низов человеческого
 существа. Но в целом многомиллион-
 ные народы, которых
 изобретения и могил
 гений почти не косну-
 лись. Самые низшие
 человеческие еще предви-
 бавы в мраке, нищете,
 бедности и нужде. Они
 во власти природы; природа
 их подавляет и побуждает.
 Но вот те гении указыва-
 ют, что значение людей
 еще впереди, что могут
 еще вытеснить все человеческое
 и поставить его на
 безмерную высоту. Бла-
 годетный ^{люди} ее заводят
 до самых низов, даже
 до животных; и те
 почувствуют жажду
 и бессознания, даря
 своим. Все будет соот-

У нас не так принято считать, что
с гением, когда он сам, как он бывает
и себе поддается и как он себя
показывает и как он себя

стимуло, все будет даваться
но-оу гения до каких
мудрости козавки.

В душе чиста наша
мистика: будаи поддержи-
вать гения, искать их,
мечтаю и зарождаю
их ваниции. Може
быть может найдут
возможности и все дело
всесильно так преобразит,
что оно все измечтано
отражало в ваниции,
гениям... Мы верим
в это... X

Гений и Притом всего гений рожд-
ся и живет в семье.

Как же его жить привык-
ну, как поддерживать,
укреплять и развивать?
Каждый законности-
ности и существующему, хотя
он и неоправдан, но
есть и другие законы, притом
речь о законах, которые
нельзя. По первому закону
Гения дарования, неоправ-
данная семья может быть
материальное. Мы верим

[illegible]

двенадцать. Сын и гвардии обер-
 поручик, что Андрей,
 тиншеу студи. Жены, братья
 и сестры менее всего веруют
 в сваволь генерального члена
 и судят о нем, объективно,
 по всемирным успехам, ко-
 торые он имеет. Высвату очень
 сожалелась. Но балетные
 по крайней мере суждения
 нас, и любящих, поучидала
 сцене и усурпировать ^{независимость} жизнь
 душевного рокам. (Так
 жена и близкие Момане
 дают таверну ему, но
 говорят, что он не знает
 через чур далеко от них и не
 был с ним перекрестками ген-
 ера. Жены же поучидала
 и к мужу свавольно
 и с дурными и с хорошими,
 прикип рассудок тут никак
 не участвует не принимается. В
 Вадим из свавольно укажи-
 мается, что даже брат
 Галмеевского учился не вери-
 ли ему. Они говорят ему:
 если действительно укажи-
 ешь такие дела, в которых
 мы были, то укажи-
 ты объясни о себе народу, что

Прочитай
 с этим

Пашотки, зерна пришло
 в чашах-ламках идя: Паш-
 отки там задуман зоса-
 бирь рабаурь наду, верура
 жернава, малу зерно.
 Пренде всего срамны в
 самс и митду заманам
 рождаст напешки идя
 роутоденне. Самья доре,
 но когда она видя, что се
 маюдаст и смирной мен,
 вишего работни на маюса сам,
 правдиу брава в разду-
 маванни, счатамчурь раз-
 сяжнани, избегае общи-
 ни, даже забивает тирь
 и сурь, то начиняю руд
 сесени, чирки, маюдава-
 ние, шивда сиези и сожме-
 ние. Его отсакмату, как
 напешанного, как ^{сирного} ~~молочного~~
 Все трудяча, все ищя, мит-
 и чиряча, но в студоси,
 а один из здоровый чинав
 есу и пбур, носути много
 напешанники и не вно-
 сит укс еван ленту в
 блогоосудание саман. Не
 досако ли это? Труд возмощи
 и трудости!

Там Бальзаме проходил Фран-
 ци, Там обширные водоемы
 казавшие мир и покой, там
 Бальзаме распустил орудия
 от казачества. Промежу-
 между последним и послед-
 нием все возросло. Ценил
 никто не понимал, он
 же не раскрывал рта, ко-
 го не было быт как о нем
 ни и осуждением. Орудия
 же это печалью его, он
 не мог бы мысли, что бы это
 во пришло к людям,
 сатрап с ними. Он привел
 аду что бы в нем, дог-
 нас людям, он сироты
 к их урано развирал. Но
 потом он замечал, что в
 таме никакое не было
 развирало ресам Бальзаме
 ни, задано различие в
 см. Он обращал на них
 внимание, возвышал содер-
 жание своих ресам исто-
 ба находил в таме соуд-
 ственно ^{тогда} таме. Он делал
 их своим усам, работ-
 стие с ними и таме

१२०६

208
Амелию, Джордано Бруно
Сотину, Губока^ю Сурца
Винция ~~Бокрови~~ Мухом
мужика, правитель
университета и мн. св. свобод.
Калуга ~~заказан в~~ ~~посадник~~
~~не ценя~~, ~~заказан~~ в ~~Кандаль~~.

Еще повышение организаци-
онной и специализации и
участия.

[illegible]

13
 Оружием воспринимать и учредить
 дабы достичь и без того
 в нем, как бы учредивших
 в неслыханной степени, в кру-
 тизне. Начинаясь отско-
 ченные находки на насши
 работы подматочиваемся на
 мины. Значительный Аро-
 доказательств во Франции, что
 введение новых и новых
 приносим стране свои удобства
 и удобства и вранч указыва-
 емых на вред высшего порядка
 степеней и только для поста-
 тивав, но и для удобства
 посылу степеней неслыхан-
 ных и вранч даром
 заботливости и вранч
 вранч. Механика и
 вранч и вранч
 вранч и вранч; так
 вранч, что калеса локо-
 мотива будут склеивать
 по рельсам и не повредят
 нас. Засурячение
 было мало; вранч был
 вранч и вранч, посылу
 не могли не вранч посылу
 вранч и вранч, не вранч
 вранч и вранч

1200 ^{Дань за право выезда из деревни}
 Гривна. Задучих ~~не~~ ^{за} ~~благ~~ ^{за}
 Гривна. Это сравнительно
 дешево, но оно крайне
 неудобно и крайне не-
 полезное средство преемства.
 Преемственность за
 усугубляет. Грудно, но можно
 было бы обратным бедствием,
 призывающим всякого ново-
 введенного. Надо приустрои-
 вать всех ^{трудящихся} ~~рабочих~~ ^{осуж-}
 нных без работы, всех
 сиротских, осужденных за
 кражу, похитивших грабни-
 цу, разорившихся хозя-
 ев и т. д. Это можно сде-
 лать погудирству, которое
 находится в общине. В сопри-
 рас более важно, чем изде-
 жница, чем убавка. Вакан-
 сии рабочих нанесен и все можно
 сделать без работы, если за-
 сто это возмещает погудир-
 ства, которая с своей стороны
 все ^{Делом и делом, нужно чинить} ^{Вам и другим, что можно}
^{погудирству} ^{при общине} ^{чуждым}
 Вакансии ^{общественности} ^{общественности}
 несут на себе, она имеет
 свободу, как медленность
 публики. Труд ~~не~~ ^{не} ~~не~~ ^{не}

Иные мастера окрасу
 слов писав в 4 раза скорей,
 пишу чужаки и другие
 недоучки и маляки. Как
 въ изобретение веригъ
 люди? Басилииство не
 паше, буду мало зим-
 писавано и осуждая рас-
 кадушкова. Теретички
 соображу, что наша напи-
 сав, буду меньше работи
 и меньше с сааи каакоуде
 перетички осужаю за
 мучаю. Кара отъ и беси-
 ной паше, изобретучи,
 но существия ему не выра-
 жу и кааду не окрасу.
 Фабричные пофракки
 кааки на фабрики сире-
 пишущих машин и на ка-
 жую. Введение изобре-
 чения разорит их и не
 засудит ^{много денег за} ~~применение~~ ка-
 вые пофракки и передан-
 ные свои фабрики. Во
 всяком случае безнокаго
 окажется много. Они станы
 блага, в их руках учение и
 проаиснаи. Феофан

[illegible]

спасая удалялся от сого-
релого жидкого и приби-
тался к небу.

Мы уже говорили, что
вышней Силисийский учился
был у него, описав, бы и
написав духовностию сво-
его народа, лунными, удар-
яющими и поучениями
мими лодии. Тамна уи-
рекла его пришедшими
и говорила, что в нем бес.
Его злыя, называя, подала
сталою его со скалы в
пропасть.

Первые изобретения наро-
дов машин были утвер-
ждены, и поддержаны и
любовью и заботой оди-
нородной работы. Тамна уи-
рекла его пришедшими
и говорила, что в нем бес.
Его злыя, называя, подала
сталою его со скалы в
пропасть.

Майера, основателя
механической теории
теплов, недолго осмели-
вался. Разрушенный озо-
новый он покушался на
самодвижение и был поса-
жен в суданский фли-
гель.

145
 этот жонглер среди передаваемых
 людей евреями в Риме, был
 в домах и даже открывая им
 Америку была названа су-
 тою империи.

Великий Лавуазье был
 жонглером реалистическим
 парижанином.

Консул в Париже Жюль
 Лавуазье, названный другом
 Жакоба (Жюль Лавуазье) на
 днях умер в Париже в ни-
 щей. Между тем, благодаря
 ему, бедности и ^{сохранение} ~~сохранение~~ ^{и приращение} ~~и приращение~~
 едой, дешевой и ~~и приращение~~ ^{и приращение}
 любви и гонимой Америкой.

Лавуазье был приговорен
 к смертной казни и умер в заключе-
 нии.

Он был соотечественником
 евреям, также как и Джор-
 дано Бруно, указавший
 на многообразие миров, кроме
 Земли.

Когда Наполеону I-му
 указали на парижан, он
 указал на французского влады-
 кин и назвал парижан судно
 изобретения ирландки.

Жизненные дары впри-
 чин Араго, аргументы их

техники и мидики, как броне
для здоровья новоселов, и
как искусственные и удобные
Палаты, изобретение франца,
сего крину само дана, и тогда
закачивъ свои органы; но так
не догадался дарьбу дров.

1860

рех сродниах (все же сродниах
из земли, воды, воздуха и огня).
~~Амфотерные~~ Химич. минералы
Лавуазье объявил высшим
цел. Он же ^{даже} призывал надеяться
на беснующихся пламени. Высший из
ученых савантисмис перфр-
знавали Салемских перен.
Почваами подверглась огне-
много переных и чинных. Его
называют лагушескими фран-
ментами.

Медицинский фрактурист
Сорбонне пишущий над Гаве-
ем, окровавленным кровообраще-
нием.

Твер и Трудой Длинн пролив
железной дарог.

Лебон открыл газавое осве-
щение, но учил, не дождав-
шись его применения. Ему
доказывали, что огонь все
может существовать без
фосфора.

Традиция Бабине считал
невозможным проведение
телеграфного кабеля через
окерн.

Она пишущие учение
некоторые дураками.

Воскресенье, 8 мая
она пишется

как показаны: амперные
дуги, парадные возмущения, раба
и счастливие, графические
погрешения, и прочие ереси и т. д.

Что же делать? Каким обра-
зом не утратить талант, не
статать слепым, не утратить
корней расы, не
карикурировать истинные
наше плоть? Как не угодить
самим, подражающей Курти
будд и пугу, не кризиса
много тайны, и трогатель-
ных камней!

Спасение в особенном
парадном устройстве, осно-
ва которое все же сам
парад...

Но это уже истрепан отер-
т и погашен будай прода-
тель дилетантский язык
и петля.

Для меня заблуждаюсь,
но это огромная плата
что они все же охраняют
люди со всеми их
правительственными недосуд-
ками; зато, конечно, редкость
гранями высшего рода
(милитан, интеллект, симметрия
и т. д.)

Или, конечно, государство
отрицает, даже в случае, если
оно существует.

и вдобаву профорсировать
с веревочкой.

Шан, чтобы ширь судило чина
 Кудрявцева, неосторожно ширь
 самим изобретением, изобретением.
 и так и другим не только можно не
 только изобретением мир сам изобрет
 идя, но и ширь можно ширь изобрет
 несправедливости изобретения в
 ширь саму общую изобретения слабости
 ширь средние изобретения ширь
 справедливости и доброты, но сам ширь
 изобретения, сам ширь ^{изобретения} ширь ширь
 ширь, доброты.

Судья владеет наукой, в области
всех наук, науку ^{искусство} тайны, науки
благотворительности, сакраментов, в себе
много безпримесное сердце
с обширным разумом, талан-
тами и многосторонними
знаниями. Где же вы найдете
владеет и кто их у него и
призаву к власти и суду?
Это область науки, ^{искусство} высшая
наука, корень корень науки
в университете общества, ко-
рое и будет ^{ее} примечено к оу-
чению и суду ко во
не всех людей.

Таланты и гении балластом
чуждого односродности, их
свободности развлекать
иногда чуждым

[illegible]

Генерал, Сакрау, Архимед сно-
 кайно рибачам в враня
 Буче и смъртешна опасност
 Шипер, убога из саян ксарр
 рн, натам милам на дьерн
 „Мийр Бучеу дама тайко вестран“
 Он востранхасеря рато дамаю,
 чирасу надписи и ухадну
 оброчно, так как видни, вми
 он сам и сруб Шипер.

Архимед в бане дми нмиден
 на мила в саян гекан. Бодне
 чмо он ридну, он вискочну
 киритурската по чмизе
 кричал не мучаю; потам, потам

По оканчати урду земни
 прихвдну в себе и ^{мои} похвдну
 не модис, но ховдис он
 нире атуго урвни. Трамни
 вобну тдсе саарну, про чотон
 нмодикпаденных лодей, сам
 он семни, то он и во всем вим
 друна.

Моготни, как нир у Гамбу
 чоту нмбисе среднею

Рем у Краббе, Гамбу
 ① Могтени много, то про
 абмнотасеря скмнотасеря и
 с саян дотам к ваданке.

Дмо и аману, нм как
 ③ Генмалмну есубисе сраисе
 каммисни, саянко кочну

12 ② Много модис можно нмбисе
 с бисмни нмтам, но сам
 нмбисе, да и чотон гамбу среднею

Но если обратиться
 к делу о Басмановых
 в 1878 году, то
 видно, что в то время
 еще не было принято
 в России закона о
 гражданском судопроиз-
 водстве, а потому
 все споры решались
 по старому уложению
 и по обычаям. В то
 время еще не было
 принято в России
 закона о гражданском
 судопроизводстве, а
 потому все споры
 решались по старому
 уложению и по
 обычаям. В то время
 еще не было принято
 в России закона о
 гражданском судопро-
 изводстве, а потому
 все споры решались
 по старому уложению
 и по обычаям.

[illegible]

Призывает много важных
исследований, которые могут
иметь значение, но, правда,
могут и оказаться ^{сплошь} бесполезными.
Итак, если вы хотите
решить вопрос о мире и о
будущем. Тогда вы должны
исследовать мир и о
будущем.

Так как на материю возложена
цель и материю с собою одним чего
будет сравненью, то составление
в бытие представляется об изобретении
устройства, как о сущности и
различиях и ограниченности
и бытия. Изобретение бытия
как чуждое, существующее
подвергается и поэтому
мы ссылаемся к нестесненности
таким же, как антропоцентризм
эгоизму, бюрократизму, и
и суровости.

[illegible]

265

Мир ослепительно несовершенен.
 Никуда не идешь в нем языки,
~~никуда~~ ^{никуда} ~~не идешь~~ ^{не идешь} ~~в нем~~ ^{в нем} ~~языки~~ ^{языки}
 ирредент, алоравири, считление,
 канондарь. Неважно, кто из нас
 творит, ^{иногда, а иногда же черпает} несовершенное даром
 машинное, фабричное, жеманно-
 азиатское или природное. и т. д.

Каждый сам собой обширные
 нате, где изобретатель, гений,
 талантливый и вообще талантливый.

Но где они? Суровость особа-
 зной от своих уз, от внешнего
 неестественного, тиранического,
 тиранического давления окружаю-
 щего среда, — они не могут
 даже подумать о гениальности, о гени-
 тельности, о гениальности удара.
 Их слова припадают к земле.
 Они рождены в гниль на небесах
 панично и талко.

Их лучше без разбора или
 очень стеснительно панично ^{Генерал}
 всем. Я не говорю о гениальности ^{и судьба}
 судно рисовать общественным
 договорам, но буди для многих
 даваемо, нам не давано им
 умирает с гнилью, дарь гниль,
 передвигу от тиранических зубов
 и предостерегают, книги, орудия
 и индустрия для популяри-
 зации сознания их идей, нередко
 уродливо, воровство, не научное
 не негодное и негодное

обдуманные.

Причем сканность и интимность,
к изобретению, к новшеству можно
то раз через безплодность, а в 10-й и
раз приносил изумительные плоды.

Вам же курьеры почти всеобщие
кие работники вале помощники
нашими немцами и истребо-
вателями и сидела бы на них охран-
ники, то чужеземцы все же чрез-
мерно бы выиграли, благодаря
изобретениям, обличившим их
ушата в десуржи, сауне и т.п.
раз. Не надо забывать на
это и племени всех челове-
ческих сил!

Крамарь Гуго, все это в нападении
общественности против Гуга орга-
низовано, что принадлежало ~~нашему~~
будущему обществу. Но пока
Гуго такого совершенного обидчика
не был, истраждался судьбой ~~такой~~
^{виделась} без конца в нападении на него
искусственных и ложных. По
мнению разбора его, Талей-
ранд Гуго мог проявить много
не сразу, а постепенно. Гуго
сам и все общество дадут
одну удачу. 99 крамарей его
наверно оккупировали.

Будь же великие силы, что
и безависимые всех сил.
Космичка, поведящая не может
не быть и она же распространяет
судьбы мира и в созвездиях

140

- Замного самовольно.

Как это относится она к нему?
 Как относится к своим изобре-
 ниям, к собственным мечтам?
 Сентим?

Сурово, но это суровые
 интересы с первого раза как
 будто безразлично, даже жестоко.

Это самовольство невольное,
 несадовитое, что оно сурово —
 это очевидно. Но это можно
 объяснить молодечеством его
 возрастом, первоначального
 судачего размышления. Правда
 она и похитил совершен-
 ство, блондинство и блонди-
 зме.

Но как объяснить, как
 оправдать равнодушие фа-
 ции (судбы) к своим изобре-
 ниям, к собственным, к своим?

Мы уже перечислили им,
 по крайней мере, правды достр-
 жено принципа ^{судачего} ~~судачего~~ ^{судачего} ~~судачего~~
 судьбы сентим. Среднее
 люди чужды, спускаются, оди-
 нок и наскоро возмоз-
 но ссорившись.

Но как может быть ^{так сурово} равно-
 душие первоначальное к сентим?
 Общего убавлению в роде
 сил и молодечества в сентим-
 ности, дурного уничтожения

282

Верб и друганъ псаломъ доуказу-
 ютъ на нѣмъ. Вроще
 иже есмь. Темъ же есмь
 много; доуказу аносъ само
 возроста; за зримъ дѣлѣмъ
 доуказу прѣхрещеніи
 убо, дѣлѣмъ издранию
 Онъ пашуе въ асѣ; въ асѣ
 похруе неспасеніи прѣ-
 роду казавша, разрашаю
 ея оченъ скоро. Намъ дѣлѣмъ
 иду адранию ходоу. Въ
 намъ разоравшася асѣ, ^{онъ же убо убо убо убо убо} ^{адранию}
 нѣмъ. Но зѣбуе есмь, ^{и зѣбуе}
 онъ дамо мѣтѣе убоу-
 асѣ. Нѣмъ убоу есмь и есмь
 нѣмъ. Въ резултѣе
 много зла, разоравшася;
 нѣмъ зла мѣтѣе
 дамо во много разъ нѣмъ
 есмь, есмь есмь
 дамо. Въ зѣбуе и нѣмъ
 нѣмъ нѣмъ нѣмъ
 нѣмъ (самъ нѣмъ нѣмъ,
 но есмь издранию), а
 нѣмъ нѣмъ (нѣмъ нѣмъ)
 нѣмъ нѣмъ, нѣмъ нѣмъ,
 нѣмъ нѣмъ, нѣмъ нѣмъ.
 Такова нѣмъ

такая природа человека¹⁸⁷⁸
и в особенности приемы
дарования. Этот способ
деятельного и творческого
использования сил, которые
действуют так или иначе
силу по условиям. Тут
и способность, и любовь к
человечеству, и суровость
и нежность к творческому
делу, к жизни и смерти.

Не совсем понятно такое
мнение. Котор, Москва, какой молодой
поэт. Ну, может быть на думках
еще предостережет, но к чему тогда
Котор и Москва? Не все может быть
попытно клянуть, на что он
ограничен. Может быть и наоборот.
Будущая судьба, которая отидет
поистине, обидит ли нас
из предвещаниями и суров, как
было поучило творчество!

В. И. Ивановский

Суров
Москва

Ученые В. В. Промин, в журнале "Техниче-
 ский и научный" (40/5, 410) и др. со-
 писав о Високосном, решившемся вступить
 Периодический (Международные научные)
 ... вступил в. Периодический, доказавший научную
 возможность международного сотрудничества
 во всем, предложившим научным
 русским. Периодический, К. Д. Умновский,
 научный сотрудник другого журнала и
 доказавшая их полную несообразность
 научной. Периодический, научный
 Ученый Високосный. Високосный
 России и науки. Високосный
 Спей. Високосный научный, научный
 не Високосный научный. Високосный
 и научный, что Високосный, научный
 научный, все научный. Високосный
 в научный Високосный — научный
 научный Високосный — научный
 научный на Високосный научный
 научный Високосный. Високосный
 научный Високосный (научный Високосный),

442 Человек.

31
+1

1918, сентябрь 37

Турция 14 апр. 1932

340/5/6.8

но, 395905

38+1

Совокупность идей, гипотез, тезисов, составивших содержание философских сочинений К.Э.Циолковского, сам Константин Эдуардович назвал «Космической философией». Её центральным элементом стало смоделированное с помощью научных методов учение о смысле жизни и постижении его в процессе реализации нравственной практики.

О важности этих исследований для человечества говорит утверждение К.Э.Циолковского о том, что теорию ракетостроения он разработал лишь как приложение к своим философским изысканиям.

Учёным написано множество философских работ, которые малоизвестны не только широкому читателю, но и специалистам ввиду их многолетнего замалчивания. Эти книги – попытка прорвать «заговор молчания» вокруг философии русского космического провидца.

Новое мышление невозможно без поиска смысла жизни в единстве населённого космоса.

Обращаясь к своим читателям, К.Э.Циолковский говорит:

«Постараюсь восстановить то, что в сонме тысячелетий утеряно человечеством, отыскать оброненный им философский камень».

...

«Будьте внимательны, напрягите все силы, чтобы усвоить и понять излагаемое.»

...

«За напряжение, за внимание вы будете вознаграждены, не скажу сторицею, это чересчур слабо, но безмерно. Нет слов для выражения тех благ, которые вы получите за свой труд. Нет меры для этих благ. Эта мера есть бесконечность».

К. Э. Циолковский
[«Живая вселенная»](#)

1923 г.

Научно-популярное издание

Константин Эдуардович Циолковский

«Космическая философия»

www.tsiolkovsky.org

Руководитель проекта
Дизайн
Хостинг, CMS

Николай Красноступ
Татьяна Колпакова, Евгений Продайко
Сергей Попов

Приглашаем всех принять участие в данном проекте!

Если вы хотите и можете оказать содействие данному проекту,
свяжитесь с нами по email support@krasnostup.com